

изъ нихъ поводитъ утверждать, будто церковь всероссийская, допустивъ, такъ называемое, единовѣріе, впала въ противорѣчіе съ собою, или вѣрнѣе—съ соборомъ 1667 года, и саму себя, а равно и единовѣрцевъ, подвергла проклятію, изреченному указаннымъ соборомъ. Это обстоятельство, по увѣренію старообрядцевъ, главнымъ образсмъ и удерживаетъ ихъ отъ соединенія съ церковію на правилахъ единовѣрія, въ которомъ дозволены всѣ свято-чтимые ими обряды. Мало этого: въ послѣднее время нашлись даже православные писатели, которые, по примѣру старообрядцевъ, стали доказывать, будто церковь, позволившая единовѣрцамъ употреблять при богослуженіи, такъ называемыя, старыя книги и обряды, а сама употребляющая книги и обряды исправленныя, можетъ придти «въ полное согласіе съ собою» только въ томъ случаѣ, когда уничтожить положенную соборомъ 1667 года клятву на старыя книги и обряды; только при этомъ условіи, продолжаютъ эти писатели, единовѣріе «вполнѣ станетъ правдою, которая сокрушитъ расколъ въ самомъ его источникѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ возвыситъ характеръ православной церкви въ ея вселенскомъ значеніи».

Уже изъ приведенныхъ нами разсужденій старообрядцевъ и нѣкоторыхъ православныхъ писателей ясно видно, гдѣ скрывается источникъ такихъ нареканій на церковь православную. Онъ заключается въ неправильномъ пониманіи клятвы собора 1667 года, именно—въ томъ ошибочномъ мнѣніи, будто соборъ изрекъ свою клятву на, такъ называемыя, старыя обряды и книги, употребленіе которыхъ дозволено нынѣ единовѣрцамъ. Какъ могли придти къ такому

неправильному пониманію соборной клятвы старообрядцы,—понять это не трудно. Упорное предубѣжденіе ихъ противъ святости церкви православной, незнакомство ихъ съ подлинными дѣянiями собора, наконецъ хитрыя внушенiя руководителей старообрядства, не желающихъ, чтобы руководимые ими оставляли незванныхъ учителей своихъ и обращались къ руководству пастырей законныхъ,—все это можетъ отчасти объяснить неправильный взглядъ глаголемыхъ старообрядцевъ на клятву собора 1667 года. За то рѣшительно непонятны недоразумѣнiя тѣхъ православныхъ писателей, которые вслѣдъ за старообрядцами говорятъ, будто соборъ 1667 года изрекъ свою клятву на старые обряды, которые нынѣ употребляются и въ единовѣрческихъ церквахъ, и будто поэтому церковь, дозволившая единовѣріе, впала въ противорѣчіе съ собою, которое можетъ быть уничтожено только соборнымъ же уничтоженіемъ означенной клятвы. Достаточно самаго небольшого вниманiя при чтенiи дѣянiй собора 1667 года, чтобы видѣть, что для такого пониманiя дѣла нѣтъ ни малѣйшаго основанiя въ соборныхъ актахъ.

Но такъ какъ вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, слишкомъ важенъ, такъ какъ неправильное пониманіе клятвы собора 1667 года служить, по словамъ старообрядцевъ, главнымъ препятствіемъ къ соединенію ихъ съ церковію на правилахъ единовѣрiя и въ то же время, если вѣрить заявленiямъ нѣкоторыхъ православныхъ писателей, смущаетъ и многихъ изъ самихъ единовѣрцевъ; то, не ограничиваясь вышесказаннымъ общимъ замѣчаніемъ объ этомъ предметѣ, мы считаемъ полезнымъ, въ интересахъ православiя, разъяс-

нить съ возможною обстоятельностью недоумѣнія старообрядцевъ и единовѣрцевъ относительно клятвы собора 1667 года, т. е. показать, за что и на кого изречена означенная клятва.

Чтобы рѣшеніе этого вопроса было вполне обстоятельно и убѣдительно, мы считаемъ необходимымъ разсмотрѣть не только то опредѣленіе собора 1667 года, которымъ подвергался проклятію всякій, кто не хотѣлъ покориться святой восточной церкви и освященному собору, но и тѣ его постановленія, въ которыхъ изрекался судъ отцевъ собора о тѣхъ обрядовыхъ разностяхъ, какія доселѣ существуютъ между православіемъ и старообрядствомъ и употребленіе которыхъ дозволено святѣйшимъ синодомъ въ единовѣрїи. Подробное ознакомленіе съ этими постановленіями убѣдитъ всякаго не предубѣжденнаго противъ истины, что соборъ 1667 года не только не проклиналъ, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ, признанныхъ имъ неправильными, но даже и не могъ этого сдѣлать безъ прямого противорѣчія самому себѣ. Разсмотрѣть указанныя опредѣленія собора тѣмъ болѣе полезно, что во 1-хъ подробнаго изложенія ихъ доселѣ еще небыло сдѣлано (¹), а между тѣмъ во 2-хъ опредѣленія эти съ канонической точки зрѣнія имѣютъ особенную важность, — такъ, что они до настоящаго времени составляютъ основаніе полемики православной церкви противъ старообрядства.

(¹) Въ Православномъ Собесѣдникѣ за 1863 годъ (ч. II, стр. 3—40, ч. III, стр. 3—44, 211—261, 348—371) и въ Православномъ Обзорѣнїи за 1871 годъ (февр., мартъ, іюнь и іюль) помѣщены обширныя изслѣдованія о соборѣ 1667 года; но примѣнительно къ другимъ цѣлямъ опредѣленія собора, имѣющія отношеніе къ разсматриваемому нами предмету, въ нихъ изложены недовольно обстоятельно.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію опредѣленій собора 1667 года о предметахъ разногласія, возникшаго между церковію и старообрядствомъ, считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, указывая сущность этихъ опредѣленій, мы будемъ имѣть въ виду не только постановленія собора 1667 года, на которомъ, кромѣ всероссійскаго патріарха Іоасафа II, русскихъ архіереевъ и прочаго духовенства, засѣдали еще два восточныхъ патріарха, но и опредѣленія о томъ же предметѣ собора русскихъ архипастырей, бывшаго подъ предсѣдательствомъ новгородскаго митрополита Птирима и начавшагося въ февралѣ 1666 года. Это мы дѣлаемъ во 1-хъ потому, что опредѣленія собора 1666 года были утверждены какъ патріархомъ Іоасафомъ, такъ и восточными святителями, и собственноручно ими подписаны (1), а слѣдовательно имѣютъ одинаковую каноническую важность съ постановленіями собора, такъ называемаго, большаго, на которомъ вмѣстѣ съ русскимъ патріархомъ присутствовали патріархи восточные, и могутъ считаться опредѣленіями того же собора 1667 года, и во 2-хъ для того, чтобы точнѣе и полнѣе представить судъ отцевъ собора 1667 года объ обрядахъ, которые нынѣ съ благословенія святѣйшаго синода употребляются въ единоврѣіи.

Всѣ опредѣленія московскаго собора 1667 года, имѣющія отношеніе къ разсматриваемому нами вопросу, можно раздѣлить на двѣ категоріи: къ первой принадлежатъ постановленія, которыми произносился судъ церкви объ основаніяхъ, на которыхъ приверженцы мнимой старины утверждали свои ошибочныя

(1) Дополн. къ Историч. Акт. т. V, стр. 485.

миѣнія, — ко второй опредѣленія отцевъ собора объ этихъ самыхъ миѣніяхъ, признанныхъ соборомъ неправильными. Къ числу опредѣленій перваго рода относятся слѣдующія: 1) о, такъ называемомъ, столбовомъ соборѣ, 2) о житіи преподобнаго Евфросина, 3) о предисловіи слѣдованной Псалтири и другихъ книгъ, содержавшемъ въ себѣ ученіе о двуперстїи, и 4) о свидѣтельствахъ Мелетїя, Θεодорита и Максима Грека, авторитетомъ которыхъ старообрядцы подтверждали справедливость нѣкоторыхъ изъ своихъ миѣній (двуперстїе и сугубую аллилуїю). Къ опредѣленіямъ втораго рода принадлежатъ слѣдующія: 1) о богослужебныхъ книгахъ вообще, въ частности 2) о перстосложенїи для крестнаго знаменїа и благословенїа, 3) объ аллилуїи, 4) о печати на просфорахъ, 5) о круговыхъ хожденїяхъ при совершенїи таинствъ и при другихъ случаяхъ, 6) о молитвѣ Иисусовой и наконецъ 7) о символѣ вѣры. Изложимъ всѣ эти опредѣленїа, чтобы видѣть, какъ отцы собора, вводя во всеобщее церковное употребленіе исправленные обряды и книги, отнеслись къ, такъ называемымъ, книгамъ и обрядамъ старымъ, содержимымъ нынѣ единовѣрцами, а равно и къ тѣмъ основанїямъ, на которыхъ утверждались эти обряды (1).

(1) Подлинныя дѣянія собора 1667 года, за подписью членовъ собора, находятся въ московской синодальной библіотекѣ—въ рукописи подъ № 914; черновой списокъ дѣяній—тамъ же подъ № 1. Опредѣленїа собора, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь, напечатаны отчасти въ соборномъ свиткѣ—при служебникѣ 1668 года,—а въ болѣе полномъ видѣ въ Дополн. къ Историч. Акт. т. V, № 102. Чтобы желающіе легче могли провѣрить справедливость дальнѣйшихъ разсужденїй нашихъ, мы рѣшились ссылаться на печатные документы, а не на рукописи, не всякому доступныя, и именно: будемъ приводить опредѣленїа собора по Дополн. къ Акт. Историч.

А.

1) Опреѣленіе собора 1667 года относительно, такъ называемаго, стоглаваго собора, на который приверженцы мнимой старины ссылались въ подтвержденіе своего ученія о двуперстіи и сугубой аллилуіи (1), состоятъ въ томъ, что отцы, не отвергая ни исторической достовѣрности стоглаваго собора, ни каноническаго значенія книги Стоглавникъ, отмѣнили только определенія Стоглава «о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіа и о прочемъ, еже писано неразумно, простотою и невѣжествомъ въ книгѣ Стоглавѣ», а равно уничтожили и «клятву», которая изречена въ Стоглавѣ на не крестящихся двумя перстами, какъ «положенную безъ разсужденія и неправедно». Причина, по которой отцы произнесли такой судъ объ указанныхъ определеніяхъ стоглаваго собора, высказана въ слѣдующихъ словахъ: «зане той Макарій митрополитъ (т. е. предсѣдатель стоглаваго собора) и иже съ нимъ мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразумно, якоже восхотѣша сами собою, несогласяся съ греческими и съ древними харатейными славенскими книгами, ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже свопросишася съ ними» (2). Но предполагая, вѣроятно, что такое определеніе возбудить въ приверженцахъ старины недоумѣніе и вопросъ: имѣлъ ли право соборъ 1667 года отмѣнять постановленія Стоглава, — отцы сочли нужнымъ напи-

(1) Впослѣдствіи старообрядцы изъ Стоглава стали заимствовать запрещеніе брадобритія (гл. 40), какъ одного изъ тяжкихъ грѣховъ.

(2) Дополненіе къ Историч. Акт. т. V, стр. 487—8.

сать «отвѣтъ», въ которомъ сперва, доказываютъ «многими образы и указаніями отъ ветхаго и новаго завѣта», что церковь вообще имѣетъ право «на лучшее преспѣвати, аще соборнѣ и обще, аще отчасти», и что въ частности и въ древнія времена одни соборы отмѣняли и исправляли правила другихъ—предшествовавшихъ соборовъ, разумѣется, правила «не совершеннѣ изложенная». Въ подтвержденіе послѣдней мысли отцы собора указали на отмѣну шестымъ вселенскимъ соборомъ 15 правила неокесарійскаго собора—о 7 діаконѣхъ, правила кареагенскаго собора, которымъ дозволялось приобщаться «по вечераніи» (т. е. послѣ вкушенія пищи), и даже правилъ апостольскихъ, какъ видно это изъ 12 правила VI вселенскаго собора, гдѣ сказано: «аще и речено есть въ апостольскихъ правилѣхъ не пустити женъ епископомъ, но мы на лучшее поспѣшеніе промышляюще, поставляемому епископу уже къ тому не жити съ женою заповѣдуемъ». Отцы собора замѣчали при этомъ, что въ правилахъ св. отецъ можно бы много указать примѣровъ того, какъ «отъ прежнихъ святыхъ соборовъ не добръ нѣкая, забвенія ради или иного дѣльма случая, изложенная отъ послѣднихъ соборовъ безъ всякаго зазора обличена и добръ исправлена быша; и святая церковь не стужаетъ о семъ, паче же похваляетъ» (1); тѣмъ менѣе, слѣдовательно, имѣетъ кто либо право «стужать» о томъ, что отцы собора 1667 года нѣкоторыя «погрѣшенныя» опредѣленія Стоглава, именно: «о крестѣ, и о трегубой аллилуи, и о сог-

(1) Не мало примѣровъ подобнаго рода старообрядцы могутъ найти въ чтимомъ ими «Стоглавникѣ» — въ 79 главѣ, которую ревнителямъ древняго благочестія слѣдовало бы почаще прочитывать со вниманіемъ.

беніи перстовъ.... и о прочихъ вещахъ, писанныхъ на ономъ соборѣ», исправили; такъ какъ, замѣчали отцы, «соборъ» стоглавый «не свидѣтельствованъ есть, ниже писаніемъ ко вселенскому патріарху и къ прочимъ.... возвѣщенный», чего требовалъ обычай церкви, въ силу тогдашней зависимости русской церкви отъ константинопольскаго патріарха, «ниже мѣстоблюстителей отъ оныхъ бысть кто», т. е. былъ соборъ помѣстный. Наконецъ, въ предупрежденіе всевозможныхъ недоразумѣній, отцы собора, не ограничившись всѣмъ сказаннымъ, сочли нужнымъ опровергнуть мнѣніе тѣхъ, кто рѣшился бы стоглавый соборъ считать «совершеннымъ и равнымъ» соборамъ вселенскимъ—на томъ основаніи, что «царь бѣ на немъ», какъ это бывало иногда и на прежнихъ вселенскихъ соборахъ. Мысль отцевъ собора та, что присутствіе на соборѣ царя не дѣлаетъ его равнымъ вселенскому, потому что характеръ вселенскаго собора есть именно тотъ, чтобы на немъ или сами непосредственно, или чрезъ своихъ представителей были всѣ «верховные архіереи, а безъ верховныхъ вселенскихъ архіереевъ совѣта помѣстніи же и сами верховніи ничтоже смѣяху творити ѓ себѣ, яко же свидѣтельствуеть второе правило кареагенскаго собора» (1).

2) Относительно житія преподобнаго Евфросина, на которомъ приверженцы мнимой старины основывали свой обычай сугубить аллилуію, соборъ 1667 года постановилъ слѣдующее: «къ симъ заповѣдуемъ: и о еже писано въ житіи преподобнаго Евфросина отъ соннаго мечтанія писателя о сугубой аллилуіа,

(1) Дополн. къ Истор. Акт. т. V, стр. 505.—7.

да никто же тому вѣруеть, зане все тое писаніе блядивое (лживое) есть отъ льстиваго и лживаго писателя писано на прелесть благочестивымъ народомъ» (1). Этимъ опредѣленіемъ, повидимому, признается ложною только та часть житія преподобнаго Евфросина, въ которой клирикъ Василій помѣстилъ рассказъ о томъ, какъ первому писателю житія Евфросинова являлись, во время тонкаго сна его, сперва преподобный Евфросинъ и сподвижникъ его Серапіонъ двукратно и говорили ему: «опиши тайну святыя аллилуіа», а потомъ на третью ночь явилась будтобы сама пресвятая Богородица съ архангеломъ и тѣми же преподобными, изъяснила ему тайну сугубой аллилуіи и повелѣла написать ее во всеобщее свѣдѣніе. Но такъ думать нельзя. Въ другомъ мѣстѣ отцы собора прямо говорятъ, что «вся, яже писана во Евфросиновѣ житіи, суть суемудріе», и самымъ содержаніемъ житія подтверждаютъ такой отзывъ о немъ. Такъ отцы собора признаютъ невѣроятнымъ извѣстіе житія о томъ, будто Евфросинъ изъ за аллилуіи ходилъ въ Царьградъ и слышалъ отъ патріарха и въ соборной великой церкви двоеніе аллилуіи, «зане времена тогда не такова быша: владѣша бо тогда турки Болгарією и сербы и всѣмъ западомъ до Дуная и до Чернаго моря, и ратоваша тогда на христіаны великими и лютыми ратми». Если же и допустить, что преподобный Евфросинъ путешествовалъ въ Царьградъ, то, замѣчали отцы, онъ не могъ быть тамъ при патріархѣ Іосифѣ, потому что «не въ то время бѣ Іосифъ патріархъ и Евфросинъ преподобный, но въ различныхъ временѣхъ», по сказанію лѣтописцевъ.

(1) Тамъ же—стр. 488.

Если же былъ и при Іосифѣ,—этотъ патріархъ былъ «латиномудрый», такъ какъ «бѣ на осмомъ соборѣ во Флорентіи», и при томъ «единого человѣка свидѣтельство не пріемлется». Еще «вящшая истина» житія Евфросинова, не безъ ироніи продолжали отцы собора, открывается изъ видѣнія писателя, въ которомъ въ уста Богоматери влагаются «велія и не сказанная хула на святую и живоначальную Троицу», такъ какъ, «толкую аллилуіа, писатель» отъ имени Богородицы «глаголетъ воплотившагося Бога Отца и паки глаголетъ воплотившагося Святаго Духа, и паки воскресша Бога отца и Святаго Духа». Наконецъ, замѣчали отцы, «писатель» житія Евфросинова «не согласуется самъ себѣ», такъ какъ, защищая сугубую аллилуію, онъ въ тоже время говоритъ, что «вся церкви по всей земли законно глаголаша издревле трижды аллилуіа», что «издревле взяся тройти святая аллилуіа» и, наконецъ, что «глаголющии трижды аллилуіа, въ четвертое—слава Тебѣ Боже, — просіяша мнози въ чудесѣхъ». Послѣ такихъ замѣчаній отцы собора уже считали себя въ правѣ сказать, что «сіе смущеніе, еже глаголати аллилуіа дважды, таже «слава Тебѣ Боже», не отъ Евфросина стало, но отъ писателя Евфросинова житія». Послѣднюю мысль, т. е. что Евфросинъ не сугубилъ аллилуіи, отцы собора доказываютъ еще тѣмъ, что преподобный «въ послѣднемъ поученіи своемъ при смерти о аллилуіа ничтоже завѣща братіи монастыря своего, ниже писа о томъ что въ testamentѣ (1) своемъ» (2).

(1) Т. е. завѣщаніи, которое сохранилось и напечатано въ Актахъ Арх. Экспед. т. I, № 108.

(2) Дополн. къ Истор. Акт. т. V, стр. 466, 501 и 504.

3) Касательно предисловія, которое «невѣжествомъ и неразумно» печаталось до исправленія книгъ патриархомъ Никономъ «въ книзѣ Псалтири со возслѣдованіемъ и во иныхъ» и содержало въ себѣ ученіе о двуперстіи, отцы собора замѣтили, что это «писаніе сложено отъ нѣкотораго раскольника и скрытаго еретика арменскія ереси», такъ какъ «еретики армени знаменуются» двуперстно, и потому не только постановили: «никто отнынѣ сему писанію да вѣруеть, ниже да держить», но еще повелѣли «искоренить» его «отъ печатныхъ и письменныхъ книгъ» (1).

4) Относительно свидѣтельствъ въ пользу двуперстія какъ для крестнаго знаменія, такъ и для благословенія, которыя ревнители мнимой старины, вслѣдъ за Стоглавомъ, приписывали св. Мелетію и блаженному Феодориту, отцы собора замѣтили, что «въ томъ на св. Мелетія и Феодорита солгано; зане, продолжали отцы, святой Мелетій три первые персты показа ради трехъ вѣпостасей святыя Троицы, и павитыя три персты совокупи ради единого божества, и бысть знаменіе, а не инако бысть показаніе перстовъ отъ святаго Мелетія». Что же касается Феодорита, то приводимое подъ именемъ его свидѣтельство въ пользу двуперстія отцы признали подложнымъ потому, что Феодоритъ «о томъ ничтоже писа; зане, присовокупляли отцы собора, велико истязаніе о томъ было во святѣй горѣ Аѳонстѣй, въ лѣто 7156 (1648 г.), подобнѣ якоже и въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ бысть крѣпкое истязаніе отъ преосвященныхъ великороссійскихъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, во Святомъ Духѣ собравшихся въ

(1) Тамъ же, стр. 472.

лѣто 7174 (1666 г.), и не обрѣтется въ Феодоритовѣ книзѣ таковое писаніе, но солгано на него Феодорита отъ вѣжкихъ суемудрыхъ и сокровенныхъ еретиковъ» (1). Наконецъ, относительно преподобнаго Максима Грека, подъ именемъ котораго приверженцы сугубой аллилуіи приводили свидѣтельство, указывавшее на то, будто еще св. Игнатій Богоносецъ слышалъ отъ ангеловъ пѣніе сугубой аллилуіи, отцы собора замѣтили, что такого «писанія» не могъ «сложитъ» Максимъ, «только лгаша вѣщій суемудрїи на его имя»; такъ какъ «Максимъ премудръ быше и не могъ сице противныхъ писати». Что же касается Игнатія Богоносца, то и на него «лгутъ» защитники сугубой аллилуіи: «зане святому Игнатію явишася ангели о божественномъ псалмопѣніи, сирѣчь о антифонѣхъ, а не о аллилуіи» (2).

В.

1) Опредѣливъ новоисправленные богослужебныя книги, которыя приверженцы прежняго порядка вещей называли «еретическими», «прїимати», какъ книги «правыя», и заповѣдавъ по нимъ «правити все Божіе славословіе», отцы собора въ подтвержденіе пра-

(1) Тамъ же, стр. 502—3.

(2) Тамъ же, стр. 501—2. Кромѣ разбора указанныхъ выше книгъ и ложныхъ свидѣтельствъ, которыми приверженцы мнимо старинны старались защитить свои мнѣнія, отцы собора обратили вниманіе и положили запрещеніе еще на «писаніе, сже писано изъ Рима къ Геннадію, новгородскому архіепископу, отъ Дмитрія толмача (о бѣломъ клубукѣ)», которымъ старообрядцы подтверждали свое ученіе о неправославіи греческой церкви. По словамъ отцевъ, повѣсть о бѣломъ клубукѣ (о происхожденіи и времени составленія этой повѣсти см. въ Русск. Вѣст. т. 39, стр. 361—368) Дмитрій толмачъ писалъ «этѣ вѣтра главы своея». (Дополн. къ Истор. Акт. т. V, стр. 472).

вильности новоизданныхъ книгъ указали на то, что а) патріархъ Никонъ предпринялъ исправленіе книгъ «не собою, но повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, благословеніемъ же и совѣтомъ и произволеніемъ святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, и согласіемъ архіереевъ всего російскаго государства и всего освященнаго собора». б) самое исправленіе совершалось «по греческимъ и древнимъ славенскимъ книгамъ», и притомъ нѣкоторыя новопечатныя книги (напр. служебникъ) разсматривались и исправлялись «соборнѣ», и наконецъ в) отцы собора сами «подробну и чрезъ многое время» сличали новоисправленныя книги съ «старыми харатейными славеноросійскими рукописными» и первыя нашли «во всемъ» согласными съ послѣдними, при чемъ многія изъ старыхъ книгъ, какъ во всемъ согласныя съ новыми, были показаны на соборѣ «всѣмъ священникамъ царствующаго града Москвы»; восточные же патріархи признали «новоперводныя и исправленныя печатныя книги» согласными и съ греческими книгами (1). Что же касается книгъ, такъ называемыхъ, старыхъ, т. е. печатанныхъ до патріарха Никона, которыя старообрядцы считаютъ единственно правильными, то отцы собора не произнесли о нихъ никакого суда, а только запретили ихъ употребленіе на будущее время, опредѣливъ всѣ службы совершать по книгамъ новоисправленнымъ.

2) Опредѣленіе собора 1667 года о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія выражено въ слѣдующихъ словахъ: «знаменіе честнаго и

(1) Дополн. къ Истор. Авт., т. V, стр. 483—486; снес. стр. 460.

животворящаго креста творити на себѣ тремя первыми персты десныя руки, палець глаголемый и иже близъ его глаголемый указательный и средній слагати вкупѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, два же, глаголемый мизинець и иже близъ его близосредній, имѣти наклонены и праздны» (1). «Еще же повелѣваемъ всѣмъ вамъ освященному чину и показуемъ, како вамъ знаменовати, сирѣчь благословляти народъ: сложившу десныя руки іерею два перста, глаголемый указательный простертъ и великосредній мало наклоненъ, яже знаменуета Іисусъ, и паки два перста глаголемый палець и близосредній наклонена другодружно совокуплены, яже знаменуета литеру Х, и паки присовокупленъ къ близосреднему персту малый персть глаголемый мизинець простертъ и мало наклоненъ, иже знаменуеть литеру С, и вся сія три персты знаменуютъ ХС: и симъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа завѣщаваемъ вамъ знаменовати вѣрныхъ народы, по реченному ко Аврааму о Христвѣ: и въ сѣмени твоємъ возблагословятся вси языцы» (2). Объ именованномъ благословеніи отцы собора, кромѣ сказаннаго, ничего не прибавили; но въ доказательство бо́льшей правильности троеперстія для крестнаго знаменія сравнительно съ двуперстіемъ представили слѣдующія основанія: креститься тремя первыми перстами правой руки заповѣдано «свыше и изначала», хотя «неписаннымъ преданіемъ», какъ свидѣтельствуеть объ этомъ св. Василій Великій въ 27 словѣ къ Амфилохію, «всехвальными апостолами и святыми отцами и вселенскими учителями». Такое перстосло-

(1) Тамъ же, стр. 486; снес. стр. 462.

(2) Тамъ же, стр. 487; снес. стр. 467.

женіе означаетъ, что знаменующіеся имъ «вѣрують и исповѣдуютъ въ божествѣ Троицу и Единицу, сирѣчь, яко святая Троица единъ Богъ есть тріпостасный и единосущный». Не для «показанія божества», замѣчаютъ отцы собора, употребляются три первые перста, какъ должно утверждаютъ нѣкоторые ⁽¹⁾, но для «показанія числа Троицы и Единицы,—три перста за Троицу, совокупленіе же перстовъ ради Единицы, сирѣчь яко Богъ въ Троицѣ и во Единицѣ». Между тѣмъ крестящіеся двумя перстами и «глаголющии, яко два перста—второй указательный и третій средній божество и человѣчество (т. е. Иисуса Христа) знаменуютъ», а три перста—первый, четвертый и послѣдній меньшій, наклоненные и совокупленные «подъ двѣма персты», означаютъ таинство святыя Троицы, очевидно, «исповѣдуютъ во святѣй Троицѣ неравенство», подобно еретикамъ аріанамъ, несторіанамъ, духоборцамъ и другимъ; такъ какъ три перста, употребляемые ими для означенія святой Троицы, «разны и неравны» (т. е. по счету). Поэтому-то святая православная церковь всегда употребляла, по преданію, для крестнаго знаменія «три первые персты, яко же стоятъ по ряду, первый, второй и третій» ⁽²⁾, какъ и нынѣ употребляютъ тоже перстосложеніе, потому же древнему преданію, «все народи христіанстїи, мнози языцы, иже суть въ православїи отъ востока и до запада» ⁽³⁾. Наконецъ отцы собора присово-

(1) Этими словами отцы собора, очевидно, указывали на известное сочиненіе о перстосложенїи старца соловецкой обители Герасима Фирсова (Опис. раск. сочлн. А. Б., ч. 2, стр. 62—72), раскаявшагося въ своемъ заблужденїи на соборѣ 1666 года. (Дополн. къ Истор. Акт. т. V, стр. 458).

(2) Дополн. къ Истор. Акт., т. V, стр. 502.

(3) Тамъ же, стр. 486.

купили, что и въ Россіи въ древности также крестились тремя первыми перстами, и въ подтвержденіе своихъ словъ указывали на «мужей поселянъ», которые во времена собора «неизмѣнно изъ древняго обычая знаменовались тремя первыми персты» (1); указаніе на то же перстосложеніе отцы собора нашли и въ тѣхъ «старыхъ харатейныхъ славенороссійскихъ рукописныхъ» книгахъ, съ которыми сличали «новоисправленныя и новопреводныя печатныя книги» (2).

3) Опредѣливъ «аллилуіа въ божественномъ пѣніи во учиненныхъ мѣстѣхъ глаголати трижды, сирѣчь аллилуіа, аллилуіа, аллилуіа, слава Тебѣ Боже», отцы собора опредѣленіе свое основали на томъ, что употребленіе трегубой аллилуіи согласно «древнему обычаю восточныя святыя церкви», принятому ею «свыше и изначала по писанному и не писанному преданію отъ святыхъ апостолъ и отъ богоносныхъ отцевъ и вселенскихъ соборовъ», и что такъ заповѣдано пѣть аллилуію «въ древнихъ харатейныхъ славенскихъ и греческихъ книгахъ», которыя были рассмотрѣны на соборѣ и показаны священникамъ и другимъ лицамъ (3). Вмѣстѣ съ тѣмъ отцы собора представили и объясненіе, почему нужно троить аллилуію, съ прибавленіемъ словъ: слава Тебѣ Боже, а не двойть. Мысль отцевъ собора та, что троеніемъ аллилуіи прославляется Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, прибавленіемъ же словъ: слава Тебѣ Боже—означается единосущіе лицъ святой Троицы, и такимъ образомъ въ цѣломъ составѣ этою пѣснію святая церковь испо-

(1) Тамъ же, стр. 463, снес. стр. 486.

(2) Тамъ же, стр. 484.

(3) Тамъ же, стр. 486, см. стр. 461 и 501.

вѣдуетъ въ божествѣ Троицу и Единицу, какъ тоже самое исповѣдуетъ церковь другими пѣснями, напр. «святый Боже, святый крѣпкій, святый безсмертный, помилуй насъ», или «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ». И «въ сихъ пѣсняхъ, замѣчали отцы, разумѣемъ, якоже и во аллилуи, въ божествѣ Троицу и Единицу». Такъ напр. «святый Боже Отець, святый крѣпкій Сынъ, святый безсмертный Духъ Святый, таже «помилуй насъ», а не «помилуйте насъ»; се еже со трисвятымъ исповѣдуемъ въ трехъ ипостасѣхъ быти Бога, и еже «помилуй насъ» едино божество; единъ бо Богъ — Троица, а не три». Послѣ этого тѣ, кои сугубятъ аллилуію и въ третій разъ прибавляютъ: «слава Тебѣ Боже», «никакого основанія въ томъ имѣють». Если и допустить, какъ говорятъ они, что аллилуія значитъ тоже, что «слава Тебѣ Боже», и въ такомъ случаѣ двоеніе аллилуіи съ прибавленіемъ словъ: слава Тебѣ Боже, «являетъ токмо Троицу, а Единицу ни», а это — неправое исповѣданіе Троицы (1). Между тѣмъ въ древнихъ греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ нѣтъ такого толкованія аллилуіи, а находятся совершенно другія. Приведа за тѣмъ разныя толкованія слова: аллилуія, находящіяся у древнихъ отцевъ и учителей церкви, и замѣтивъ, что «никто отъ святыхъ и мудрыхъ толкова сію пѣснь на единъ разумъ», и слѣдовательно не отвергая рѣшительно и того толкованія, какое давали аллилуіи послѣдователи Стоглава, отцы все таки утверждали, что употребляющіе сугубую аллилуію, съ прибавленіемъ словъ: слава Тебѣ Боже, «погрѣшаютъ, зане невѣдѣніемъ исповѣдуютъ токмо Троицу, а Еди-

(1) Тамъ же, стр. 500—1.

лицу ни». Но такъ какъ, по чину церковному, аллилуія употребляется тройко, т. е. не только трижды, съ прибавленіемъ словъ: слава Тебѣ Боже, но и безъ этого прибавленія, и даже однажды; то отцы собора сочли нужнымъ дать толкованіе аллилуіи и на тѣ случаи, когда она употребляется безъ словъ: слава Тебѣ Боже. По мысли отцевъ, аллилуія, употребляемая однажды, или трижды, но безъ словъ: слава Тебѣ Боже, значитъ «слава тебѣ», или просто—«слава, хвала». Поэтому, если она употребляется въ стихѣ, обращенномъ «къ лицу Божию»,—разумѣется и за «слава Тебѣ Боже, т. е. значитъ тоже, что «слава Тебѣ Боже»; если же — въ стихѣ, относящемся «къ лицу Богородицы, или святаго коего», тогда знаменуетъ «слава тебѣ Богородице», или «слава тебѣ святой божій», или «хвала»; однимъ словомъ: аллилуія, по замѣчанію отцевъ, имѣетъ «разный разумъ, по сличенію стиха и времени», какъ «разное и многое сія ангельская пѣснь имѣетъ въ себѣ и толкованіе» (1).

4) Печать на просфорахъ соборъ 1667 года опредѣлилъ употреблять съ четвероконечнымъ крестомъ и съ надписью: ІС ХС НІ КА. Въ основаніе опредѣленія своего отцы собора положили то разсужденіе, что прежняя печать, на которой «животворящій крестъ изображался съ подножіемъ и со главою Адамлею и съ надписаніемъ сицевымъ: се агнецъ Божій вземляй грѣхи всего міра», не соответствовала цѣли; такъ какъ «не креста образъ агнецъ есть, замѣчали отцы, и не каяждо просфора предъ дѣйствіемъ и по дѣйствіи наречется агнецъ Божій, но изятая часть единыя первыя просфоры въ воспоминаніе Господне и пресуще-

(1) Тамъ же, стр. 503—4.

ствованная словесы Господними, глаголемыми отъ священника, и наитіемъ и дѣйствиемъ Святаго Духа, ова точію часть агнецъ есть Божій; прочія же части пресвятыя Богородицы и святыхъ всѣхъ и приносимыя о здравіи живыхъ сущихъ, такожде и о упокоеніи душъ усопшихъ христіанъ православныхъ, никогда же глаголются агнецъ Божій и не прелагаются въ тѣло Владычне, или въ тѣлеса святыхъ, но токмо дары суть, и приношенія, и жертвы, и умоленіе, во оставленіе и прощеніе грѣховъ душъ или живыхъ, или мертвыхъ: и того ради ниже сами священницы причащаются отъ частицъ, ниже приходящихъ причаститися причащаютъ отъ частицъ, но отъ плоти Владычни и сами причащаются и приходящихъ причащаютъ» (1). Между тѣмъ, по свидѣтельству великихъ церковныхъ учителей—Аѳанасія Великаго, Іоанна Дамаскина и другихъ, и «отъ двою древу сложенный истинный есть крестъ» (2), а слѣдовательно печать и съ такимъ крестомъ (т. е. четвероконечнымъ) будетъ прилична таинству евхаристіи. Такимъ образомъ соборъ отмѣнилъ прежнюю печать на просфорахъ не изъ за креста осьмиконечнаго, который онъ называетъ «животворящимъ», а изъ за надписи при крестѣ, не отвѣчавшей назначенію просфоръ и употреблявшейся прежде только «по невѣдѣнію».

5) Опредѣляя круговыя хожденія при совершеніи разныхъ таинствъ и обрядовъ дѣлать противъ солнца, а не по солнцу, отцы собора имѣли въ виду «обычай святыхъ восточныхъ церкви» и то обстоятельство, что приверженцы мнимой старины требовали хожденія по-

(1) Тамъ же, стр. 459 и 484.

(2) Тамъ же, стр. 460 и 486

солонь только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ же и сами ходили противъ солнца. «Чесо ради такое разнство?» спрашивали отцы собора. «Входъ со святою плащаницею въ великую субботу, и входъ со святыми мощми на освященіи церкви, и во святомъ крещеніи и вѣнчаніи» совершаютъ по-солонь, между тѣмъ «егда хиротонисается діаконь, или священникъ, или архіерей, во хиротоніи обхожденія святыя трапезы со хиротонисаемымъ бываетъ не нагѣво — по солнцу, но надесно — противъ солнца; такожде и со святымъ Евангелиемъ малый входъ и великій входъ со святыми дарами направо противъ солнца, а не по солнцу; и чинъ кажденія во святомъ алтарѣ окрестъ святыя трапезы и въ церкви подобіиъ бываетъ». «Чесо ради творятъ разнство и каковое особое таинство по-казуютъ» въ хожденіяхъ по солнцу? «Ей, никакова, токмо суетудріе и мятежъ и расколъ», тогда какъ «лѣпо есть во святѣй церкви согласію быти, нежели расколу». И вотъ, «да будетъ согласіе со святою восточною церковію и съ самыми церковными чинами», совершавшимися и прежде противъ солнца, отцы собора и опредѣлили— всѣ вообще кругохожденія совершать надесно, т. е. противъ солнца (1).

6) Касательно молитвы Іисусовой отцы собора постановили: «молитву Іисусову глаголати сице: Господи Іисусе Христе Воже нашъ, помилуй насъ, и въ церковномъ пѣніи и въ общемъ собраніи, а наединѣ, якоже кто хоцетъ» (2). Причину, по которой соборъ отдалъ предпочтеніе молитвѣ съ словами: Воже нашъ, отцы указали въ томъ, что эта молитва «древняя и

(1) Тамъ же, стр. 470.

(2) Тамъ же, стр. 486.

общая церкве» (1), что она «видится писана во многих древних греческихъ и славенороссійскихъ харатейныхъ книгахъ», что она «вѣщше прилична и большую Христу приносить честь», такъ какъ ею исповѣдуется, что Христосъ не только—Сынъ Божій, но вѣствъ и «истинный Богъ нашъ, яко и Отецъ и Духъ Святой» (2), и такимъ образомъ молитва эта есть «на еретики арианъ мечъ сѣкущій» (3), и наконецъ—потому, что «мнози невѣжди, ниим же мнѣшеся быти и отъ разума, жестокосердія же своего ради и упорства, въ немъ же возрастше и состарѣвшесе, не прочитающе въ конецъ божественнаго писанія, ни воспросити вѣдущихъ хотяще гордости своея ради», не только сами не употребляли молитвы: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, но и другихъ за употребленіе ея «укоряли, аки неправо содержащихъ» (4), самую же молитву «отрицали и хулили» (5), и такимъ своимъ «упрямствомъ» давали поводъ подозрѣвать, не мудрствуютъ ли они о Христѣ, «яко и Арій, тоцію Сына Божія быти по благодати, а не Бога истинна, единосущна Отцу» (6). Поэтому тѣмъ, кои молитву Іисусову съ словами: Сыне Божій—употребляли только по привычкѣ, по «обычаю», и «не прекословили», не «отвращались глаголати» и другую форму этой молитвы, узаконенную соборомъ, отцы позволили свободно «читать и сію молитву: Господи

(1) Тамъ же, стр. 462.

(2) Тамъ же, стр. 503.

(3) Тамъ же, стр. 463.

(4) Тамъ же, стр. 462.

(5) Тамъ же, стр. 463.

(6) Тамъ же, стр. 503

Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ», не «об-
жуждая» ея ни однимъ словомъ (1).

7) Символь вѣры отцы собора опредѣлили «дер-
жать и глаголати въ церкви и повсюду» такъ. «яко-
же святіи и богоносніи отцы въ первомъ вселенскомъ
соборѣ, иже въ Никей, и во второмъ вселенскомъ со-
борѣ, иже въ Константинополи, написаша греческимъ
языкомъ, и прочіи вселенстїи и помѣстїи собори
прїимаша и утвердиша, якоже нынѣ исправлено про-
тиво греческаго и напечатася славенскимъ языкомъ,
безъ прилога «истиннаго» и безъ всякаго измѣне-
нїя» (2). Отцы собора замѣчали при этомъ, что они
«и въ древнихъ славенскихъ харатейныхъ книгахъ»,
которыя разсматривали на соборѣ и показывали при-
сутствовавшимъ на немъ «всѣмъ священникамъ цар-
ствующаго града Москвы», нашли символъ — написан-
ный такъ, «яко же и въ греческихъ и како напеча-
тано есть въ новоисправленныхъ книгахъ» (3).

Таковы опредѣленїя московскаго собора 1567 года
о предметахъ разногласїя, существующаго между цер-
ковїю православною и старообрядствомъ. Какъ всякій
можетъ видѣть, отцы собора, узаконяя и вводя во
всеобщее церковное употребленїе книги и обряды ис-
правленные, не только не произнесли клятвы на кни-
ги и обряды, такъ называемые, старые, напротивъ о
многихъ изъ нихъ (напр. объ осьмиконечномъ крестѣ,
о молитвѣ Исусовой съ словами: Сыне Божій) отозва-
лись съ почтенїемъ, о другихъ (напр. о хожденїи по-
солонь) замѣтили, что они употреблялись прежде

(1) Тамъ же, стр. 462 и 503.

(2) Тамъ же, стр. 486.

(3) Тамъ же, стр. 485—503.

только «по невѣдѣнію», — всѣ же вообще запретили употреблять на будущее время единственно потому, что они не согласовались съ обычаями и уставоположеніями церкви греческой и древне-русской, или своимъ вѣшнимъ видомъ не вполне соответствовали внутреннему смыслу, въ нихъ заключавшемуся. Такъ напр. крестившіеся двумя перстами (указательнымъ и среднимъ), въ означеніе двухъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ, въ тоже время тремя остальными перстами (первымъ, четвертымъ и пятымъ) хотѣли изобразить св. Троицу; но такое перстосложеніе, кромѣ того, что было несогласно съ предписаніями древнихъ книгъ и въ частности—Стоглава, требовавшихъ «три персты равны (¹) имѣти вкупѣ по образу тройческому», а «два перста имѣти наклонена, а не простерта», могло еще неравенствомъ (по счету) перстовъ внушать мысль, что крестящіеся такимъ перстосложеніемъ не исповѣдуютъ равенства лицъ св. Троицы, какъ и замѣчали объ этомъ отцы собора. Точно также употреблявшіе молитву Иисусову только съ словами: Сыне Божій, а «Господи Иисусе Христе Боже нашъ... глаголати отвращавшіеся», какъ бы не хотѣли признать, что Иисусъ Христосъ есть не только Сынъ Божій, что признавали еретики, но и Богъ истинный, единосущный Богу Отцу. Какъ бы впрочемъ ни было,—несомнѣнно одно: соборъ 1667 года, запрещая употребленіе, такъ называемыхъ, старыхъ книгъ и обрядовъ, содержимыхъ нынѣ старообрядцами и дозволенныхъ единовѣрцамъ, ни однимъ словомъ не проклялъ ихъ, и тѣ, кои утверждаютъ про-

(¹) —т. е., очевидно, находящіеся одинъ возлѣ другаго, такъ какъ равныхъ по очертанію и величинѣ перстовъ нѣтъ.

тивное этому, показываютъ, что они или не знаютъ опредѣленій собора относительно указанныхъ предметовъ, или, зная ихъ, скрываютъ истину и намѣренно проповѣдуютъ ложь.

Впрочемъ, утверждая, что соборъ московскій 1667 года, вводя въ церковное употребленіе обряды и книги исправленные, въ тоже время не проклялъ книгъ и обрядовъ, такъ называемыхъ, старыхъ, содержащихъ нынѣ единовѣрцами, мы сказали мало. Соборъ 1667 года и не могъ изречь такого проклятiя, какъ по существу дѣла, такъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ.

Во первыхъ, отцы собора видѣли и знали, что двуперстіе, сугубая аллилуія и другіе, такъ называемые, старые обряды, содержавшіеся въ старыхъ книгахъ, за которыя ратовали приверженцы Стоглава, хотя и были неправильны, но, какъ обряды, сами по себѣ не нарушали существа вѣры, такъ какъ не относились къ догматамъ, и что слѣдовательно употребленіе такихъ обрядовъ хотя и было несогласно съ обычаями церкви вселенской, но не дѣлало тѣхъ, кои содержали ихъ, ни раскольниками, ни еретиками, достойными отсѣченія отъ церкви и анаемы. Такой взглядъ на обрядовыя разности, замѣченный патріархомъ Никономъ въ старыхъ книгахъ и послужившій причиной исправленія ихъ, былъ высказанъ константинопольскимъ патріархомъ Паисіемъ, къ которому Никонъ обращался съ своими недоумѣніями. «Вижду въ грамотахъ преблаженства твоего, писалъ восточный святитель, и жалится зѣло о несогласіи нѣкихъ чиновъ, иже бывають въ нѣкихъ церквахъ, и не шуетъ, яко тii различни чинове растлѣвають вѣру на-

шю; о немъ же хвалимъ мысль, ибо который боится преступленийъ малыхъ погрѣшеній, сохраняется отъ великихъ, но исправляемъ намѣреніе; ибо елико о еретицѣхъ имама велѣніе отъ апостоловъ, да бѣгаемъ ихъ, по первомъ и второмъ наказаніи, яко развращенныхъ, подобій и раздорниковъ, иже аще и являютъ, яко согласуютъ въ вѣщшихъ догматѣхъ православныхъ, но имутъ и нѣкая своя чуждая отъ соборныя мысли церковныя. Но аще случится нѣкоей церкви разнствовать отъ другія въ нѣкихъ чинѣхъ не нужныхъ и существительныхъ вѣры, сирѣчь, не прикасающихся свойственнымъ составомъ вѣры, но малыхъ, якоже есть время литургіи и подобныхъ; сіе ни единое разлученіе творить, токмо егда сохраняется таяжде вѣра непреложно. Ибо не взять церковь наша изначала образъ сей послѣдованія, еже держитъ нынѣ, но по малу, ибо, якоже глаголетъ святой Епифаній кипрскій, прежде читаху въ церкви токмо единадесять псалмовъ, таже вѣщшыя, и имѣяху различныя степени постовъ и мясояденій.... И прежде святыхъ Дамаскина и Космы и иныхъ творцевъ ниже тропари, ниже каноны, ниже контаки пѣвахомъ. Обаче зане сохраняшеся непреложно таяжде вѣра отъ всѣхъ прочихъ церквей, не возможе сіе разнство чина творити, да вмѣнять тогда еретическія, или раздорныя. Не подобаетъ убо ниже нынѣ непщевати, яко развращается вѣра наша православная, аще единъ творить послѣдованіе свое, мало различное отъ другаго въ вещахъ, яже не суть существительныя, сирѣчь составы вѣры, токмо да согласитъ въ нужныхъ и свойственныхъ съ соборною церковію» (1). А чтобы не

(1) Скрижалъ, ч. I, стр. 644—8.

подумали старообрядцы, будто Паисій говоритъ здѣсь только о такихъ неважныхъ разностяхъ въ обрядахъ. каково напр. время совершенія литургіи и под., мы приведемъ сужденіе восточнаго патріарха о самомъ важномъ, по мнѣнію старообрядцевъ, предметѣ несогласія ихъ съ церковію, на который будтобы по преимуществу и падаетъ вѣтва собора 1667 года, именно - о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія. Вотъ что писалъ объ этомъ предметѣ Паисій на вопросы Никона: «еже вопрошаете, како подобаеъ изобразити христіанину крестъ свой, сирѣчь, которыми персты, глаголемъ, яко мы вси имаемъ обычай древній по преданію поклонятися, имуще три первые персты совокуплены вкупѣ, во образъ святыя Троицы, еяже просвѣщеніемъ открыся намъ таинство воплощеннаго смотрѣнія, и научихомся славити единого Бога въ трехъ составѣхъ (т. е. впостасяхъ), Отца и Сына и Св. Духа, и распинатися вкупѣ со крестомъ Господа нашего Ісуса Сына Божія, съ небесъ сошедшаго и вочеловѣчившагося и плотію пострадавшаго нашего ради спасенія; являетжеса *благословно*, зане совокупленіемъ трехъ перстовъ воспоминаемъ таинство святыя Троицы и вегда изображаемъ на себѣ крестъ Господень, воспоминаемъ страданіе и воскресеніе Его, ими же и ихъ ради призываемъ отъ Бога помощь. А еже вопрошаете, которыми персты подобаеъ начертovati архіерею, или священнику благословеніе, еже даеъ, глаголемъ, яко понеже обѣща Богъ съ вѣтвою Аврааму, да благословятся вси языцы земстїи въ сѣмени его, еже естъ *Іисъ ХС*, еже и Давидъ къ Мессїи вознося глаголетъ: и благословятся въ немъ вся колѣна земная,—

благословляетъ церковь всѣхъ, начертавающе рукою священническою имя Мессіево, еже есть Іисъ Хс̄, изобразующе І и С, еже являетъ вкратцѣ Іисъ, и Х и С, еже глаголетъ Хс̄, и сіе вкратцѣ; и *которыя персты начертаваетъ кто сіа четыре писъмени, ничтоже размыслюетъ*, токмо да имать мысли благословляи́й и благословляемый, яко благословеніе сіе сходитъ отъ Іиса Х̄а рукою священническою... Но *пристойныя* является, якоже живописуютъ Х̄а, и благословляетъ; ибо *чище* показуетъ, еже Іс̄ Хс̄; второй и третій перста совокупляема знаменуютъ Іисъ, а первый и четвертый совокупляема знаменуютъ Х, и малый послѣдній — С, еже являютъ вкупѣ Хс̄» (1).

Такимъ образомъ, по мысли первосвятителя восточной церкви, обряды, если съ ними не соединяется никакого неправославнаго мудрованія и если они не служатъ причиною раздѣленія и вражды между церквами, сами по себѣ не нарушаютъ вѣры и по обстоятельствамъ могутъ быть различны въ разныхъ церквахъ. Въ частности—и крестное знаменіе и священническое благословеніе могутъ совершаться различными перстами; и если патріархъ Паисій рекомендовалъ Никону троеперстіе для крестнаго знаменія и, такъ называемое, именованіе для благословенія, то только потому, что такіа перстосложенія, на основаніи древняго преданія, употреблялись во всей восточной церкви и, по мнѣнію святителя, были болѣе «благословны и пристойны», т. е. точнѣе выражали мысли, какія соединяются съ крестнымъ знаменіемъ и благословеніемъ. Взглядъ восточнаго святителя на

(1) Тамъ же—стр. 741—3.

значеніе обрядовъ въ дѣлѣ вѣры признавали правильнымъ и усвоили себѣ и отцы собора 1667 года. Это видно изъ того, что они одобрили посланіе Паисія, изъ котораго мы заимствовали вышеприведенныя слова. «Епистолиа, опредѣлили они, яже писана отъ нашего брата святѣйшаго куръ Паисія, архіепископа константинопольскаго Новаго Рима и вселенскаго патріарха, о нѣкоторыхъ церковныхъ вещѣхъ по вопросамъ отвѣты, якоже отъ нашего брата святѣйшаго Паисія патріарха и отъ того освященнаго собора написано есть, тако и мы согласно повелѣваемъ и утверждаемъ» (1). А если такъ, то само собою понятно, что отцы собора 1667 года, смотря на обрядовыя дѣйствія, какъ венци, не касающіяся догматовъ и не нарушающія существа вѣры, не могли безъ явнаго противорѣчія самимъ себѣ изречь клятвы на, такъ называемые, старые обряды, содержимыя нынѣ старообрядцами и единовѣрцами и признанные соборомъ неправильными. И если соборъ отвергъ эти обряды и запретилъ употребленіе ихъ, то только потому, что нашелъ ихъ несогласными съ дѣйствительною древностію, а главное—видѣлъ въ нихъ знаменіе раскола и ереси, такъ какъ лица, державшіяся этихъ обрядовъ, не только не хотѣли быть въ союзѣ и единеніи съ церковію, принявшею обряды исправленные, но даже укоряли ее за это въ перемѣнѣ вѣры, въ неправославіи, въ ереси.

Была и еще причина, по которой соборъ 1667 года не могъ изречь клятвы на, такъ называемые, старые обряды, допущенные нынѣ въ единовѣрїи, а равно и на употребленіе этихъ обрядовъ. Отцы собора, «ис-

(1) Дополн. къ Истор. Акт. т. V, стр. 472.

пытывая подробну, чрезъ многое время, новоисправленныя и новопреводныя печатныя книги и старыя харатейныя славенороссійскія рукописныя», хотя и нашли, что въ послѣднихъ книгахъ всѣ обряды изложены были «согласно» съ первыми, т. е. «святый символъ безъ прилога (истиннаго), и аллилуія въ рядъ трижды, таже «слава Тебѣ Боже», и о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи тріехъ первыхъ перстовъ десныя руки, и о Іисусовѣ молитвѣ, и о чинѣ святыхъ литургій, и прочая» (1); тѣмъ не менѣе они не могли не замѣтить, что и обряды, за которые ратовали приверженцы мнимой старины, имѣли на своей сторонѣ нѣкоторыя книги и что употребленіе этихъ обрядовъ, хотя и не повсемѣстное и не всеобщее, было въ церкви съ давнихъ поръ. Уже одна книга -- Стоглавъ, о которой отцы собора произнесли свой судъ, должна была показать имъ, что двуперстіе, сугубая аллилуія и проч. существовали въ нашей церкви и употреблялись нѣкоторыми вѣрующими по меньшей мѣрѣ съ половины XVI вѣка. Впослѣдствіи же времени, особенно въ патриаршество Іосифа, такъ называемые, старые обряды вошли еще въ большее употребленіе, какъ засвидѣтельствовали объ этомъ сами члены собора (2). Патриархъ Іосифъ крестился двумя перстами; также крестился и патриархъ Никонъ въ первые годы своего патриаршества (3). Наконецъ сами члены собора 1667 года изъ *русскихъ* святителей и низшаго *русскаго* духовенства, если не всѣ, такъ по крайней мѣрѣ большая часть, до исправленія книгъ и обря-

(1) Тамъ же, стр. 484.

(2) Тамъ же, стр. 463 и 486.

(3) Слов. отвѣчат. въ Скрижали.

довъ патріархомъ Никономъ, были крещены, а равно принимали и сами совершали таинства и другія священные дѣйствія по тѣмъ самымъ книгамъ и съ тѣми обрядами, которые послѣ, по внимательномъ разсмотрѣніи книгъ харатейныхъ—рукописныхъ, были признаны неправильными. А если такъ, то изрекать на эти книги и обряды клятву значило подвергать проклятію не только своихъ предковъ, употреблявшихъ ихъ по невѣдѣнію, но даже и самихъ себя—за то по крайней мѣрѣ время жизни и служенія пастырскаго, когда, такъ называемые, старые обряды и книги еще не были признаны неправильными и употреблялись въ Москвѣ и другихъ городахъ почти всѣми. Само собою разумѣется, что такъ поступить члены собора 1667 года изъ *русскаю* духовенства не могли, не обрекая своей совѣсти на постоянныя мученія.

Что же касается *греческихъ* святителей, присутствовавшихъ на соборѣ 1667 года, которые, какъ рожденные и воспитанные въ правильныхъ обрядахъ, не имѣли тѣхъ нравственныхъ побужденій—смотреть на старые, неправильные обряды снисходительно, какими не могли не руководствоваться въ сужденіи объ нихъ русскіе архіереи, сами прежде употреблявшіе книги и обряды, дозволенные нынѣ единоувѣрцамъ,—то они имѣли свои основанія не проносить строгаго суда о русскомъ «древле церковномъ содержаніи». Во первыхъ, и греческіе святители знали, что двуперстіе, сугубая аллилуія и проч. относятся не къ догматамъ вѣры, а къ обрядамъ, и слѣдовательно сами по себѣ не могутъ и не должны служить поводомъ къ раздѣленію церковному, а тѣмъ болѣе—заслуживать клятвы. Такъ по крайней мѣрѣ

совѣтовалъ смотрѣть на дѣло единовѣрный ихъ братъ, константинопольскій патріархъ Паисій, посланіе котораго они читали и утвердили. Во вторыхъ,— и это особенно важно,—нѣкоторые изъ греческихъ іерарховъ, присутствовавшихъ на соборѣ 1667 года, напр., Макарій патріархъ антїохійскій, Григорій митрополитъ никейскій и др., бывавшіе въ Москвѣ еще въ то время, когда вопросъ о, такъ называемыхъ, старыхъ книгахъ и обрядахъ не былъ рѣшенъ и когда они употреблялись во всей Москвѣ, какъ правильные, хотя и не одобряли нѣкоторыхъ изъ этихъ обрядовъ, напр. двуперстія, и совѣтовали употреблять троеперстіе, бывшее въ употребленіи на всемъ Востокѣ; однакоже изъ за такой разности въ обрядахъ не нарушали союза съ русскою церковію, но пребывали въ общеніи съ нею, присутствовали при богослуженіи въ московскихъ храмахъ и сами даже служили въ нихъ вмѣстѣ съ нашимъ патріархомъ. Значитъ, и эти члены собора 1667 года не могли произнести проклятія на старыя книги и обряды безъ прямого противорѣчія самимъ себѣ и своимъ прежнимъ дѣйствіямъ.

Такимъ образомъ какъ самыя опредѣленія московскаго собора 1667 года о, такъ называемыхъ, старыхъ книгахъ и обрядахъ, содержащихъ нынѣ старообрядцами и дозволенныхъ единовѣрцамъ, такъ и обстоятельства, подѣ влияніемъ которыхъ составлялись эти опредѣленія, показываютъ ясно, что отцы собора не только не изрекли клятвы на эти обряды и книги, но даже и не могли этого сдѣлать, не нарушая правды и не насилуя своей собственной совѣсти.

А что такъ именно нужно понимать дѣло, это

показываетъ дальнѣйшая практика русской церкви. Соборъ 1667 года запретилъ напр. совершать литургію по старонечатымъ служебникамъ и употреблять на просфорахъ печать съ осьмиконечнымъ крестомъ, главою Адама и другими изображеніями, и повелѣлъ печатать просфоры крестомъ четвероконечнымъ и совершать литургію по служебникамъ новоисправленнымъ. А между тѣмъ, когда въ 1668 году Питириму, новгородскому митрополиту, бывшему предсѣдателемъ собора 1666 года и членомъ собора 1667 года, «въ домо учинилось», что «на тихвинскомъ посадѣ попы дѣтей своихъ духовныхъ и иныхъ всякаго чину людей божественныхъ и пречистыхъ Христовыхъ тайнъ причащаютъ просвирами старыя печати крестовъ, а не новыя четвероконечныя печати крестовъ», онъ грамотою отъ 18 марта 1668 года велѣлъ священниковъ, поступавшихъ вопреки опредѣленію собора 1667 года, «отказать отъ божественныя службы» и подъ крѣпкимъ надзоромъ выслать въ Новгородъ, а просвируней, которыя «тѣ просвиры пекли и печатали старыхъ печатей кресты», отослать подъ началъ въ тихвинскій дѣвичій монастырь и держать ихъ тамъ «скованныхъ, на цѣпяхъ»; самое же таинство евхаристіи, совершенное на просфорахъ «старыя печати крестовъ», назвалъ «божественными и пречистыми тайнами» (1). Еще яснѣе выразился снисходительный взглядъ митрополита Питирима на, такъ называемые, старые служебники и печать съ осьмиконечнымъ крестомъ въ наказной памяти, данной имъ 24 Іюня 1671 года десятскому попу Борису Никитину, которому повелѣвалось «по всѣмъ приходамъ верховажской чет-

(1) Акт. Истор. т IV, № 203.

верти, по всемъ святымъ Божиимъ церквамъ, попомъ съ причетники учинить заказъ крѣпкой, чтобы попы и діаконъ и церковные причетники божественную службу служили по новоисправнымъ служебникамъ и просвирами, на которыхъ изображенъ четвероконечный крестъ, и пѣли и говорили единогласно, по новоисправнымъ же книгамъ, и о томъ взяти у поповъ съ причетники сказки, которой попъ какъ служилъ или служить и на просвирахъ которой крестъ изображалъ; а у которыхъ церквей, говорилось далѣе въ наказной памяти, новоисправныхъ служебниковъ нѣтъ, и тебѣ по тѣхъ попѣхъ и по церковныхъ старостахъ имати поручныя записи, что имъ тѣ новоисправныя служебники купити вскорѣ» (1). Правда, когда въ 1672 году Пителиръ узналъ, что, не смотря на изложенное сейчасъ распоряженіе его, «во всей важской десятинѣ, во всѣхъ четырехъ четвертяхъ, по монастыремъ у игуменовъ и у строителей и у черныхъ поповъ съ братьею, а по погостамъ и по выставкамъ у поповъ и у дьяконовъ и у церковныхъ причетниковъ, по святымъ Божиимъ церквамъ» происходило «многое церковное неисправленіе, пѣли и говорили не единогласно и по книгамъ старыя печати, а не по новоисправнымъ,» — онъ послалъ 11 августа того же года духовенству верховажскаго стана «память», въ которой говорилось между прочимъ слѣдующее: «да вамъ же попомъ и діакону въ церквахъ Божиихъ служить по служебникамъ новоисправныя печати и просвирами четвероконечнаго креста; а будетъ вы по служебникамъ новоисправныя печати служить и просвирами четвероконечнаго креста.... не учнете... и зато васъ....

(1) Акты Археогр. Экспедиц. т. IV, № 184.

велѣно поповскому старостѣ предотеченскому попу Прокопью смирять жестокимъ смиреніемъ; а буде кто не накажется. и на такихъ неповорниковъ велѣно ему писать въ великій Новградъ.... и ихъ за крѣпкими поруками съ провожатыми велѣно присылать въ великій же Новградъ» (1). Но, очевидно, «жестокое смиреніе», которымъ грозитъ здѣсь митрополитъ Питиримъ духовенству верховажскаго стана, было вызвано не тѣмъ, что оно служило не по новоисправнымъ служебникамъ, — въ 1671 году, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго документа, Питиримъ не назначилъ никакого наказанія верховажскому духовенству, служившему по старымъ книгамъ, — а тѣмъ, что, не смотря на «поручныя записи — векорѣ купити новоисправныя служебники», оно не исполнило своего обѣщанія и такимъ образомъ оказалось непокорнымъ распоряженію своего епархіальнаго архіерея.

Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и другой новгородскій митрополитъ Корнилій. Въ «наказѣ», данномъ имъ 20 августа 1678 года архимандриту тихвинскаго монастыря Варсоноію, требуя, чтобы «игумены, строители, черные и бѣлые попы служили по служебникомъ новоисправныя печати и надъ просфорами четвероконечнаго креста», онъ повелѣвалъ только «неповорниковъ» высылать въ Новгородъ «за крѣпкими поруками съ провожатыми» (2). А въ другой грамотѣ на имя архимандрита соловецкаго монастыря Иларіона, писанной 30 ноября 1681 года, Корнилій, приказавъ отобрать у священника церкви Іоанна Предтечи, въ кандалажской волости, служебникъ старой

(1) Тамъ же № 189.

(2) Тамъ же № 225.

печати, повелѣлъ только «за утайку того служебника доправить на немъ пени десять рублей для того, что въ монастырѣхъ и въ церквахъ старыя печати служебникомъ быть не велѣно», обѣщая при этомъ выслать служебникъ «новоисправныя печати», если бы его не оказалось у штрафованнаго священника (1). Новгородскій же митрополитъ Евѣимій въ «указной грамотѣ» архимандриту иверскаго монастыря Антонію, писанной въ октябрѣ 1695 года, требуя, чтобы «попы литоргіи божественныя служили по новоисправнымъ печатнымъ служебникомъ, надъ пятію просвирами четвероконечнаго креста, какъ о томъ напечатано изображеніе въ новоисправныхъ требникахъ», ни слова не говорилъ о тѣхъ, кто рѣшился бы поступать иначе; только относительно «просвирицъ», требуя, чтобы онѣ «просвиры... печатали четвероконечнымъ крестомъ», предписалъ «тѣхъ печатей у нихъ досмотрѣть; а у которыхъ не явится, и тѣхъ давать на поруки, чтобъ имъ впредь печатать крестомъ четвероконечнымъ» (2).

Всѣ указанныя распоряженія относительно, такъ называемыхъ, «старыхъ служебниковъ и печати на просфорахъ касались собственно новгородской митрополіи; но нѣтъ сомнѣнія, что подобныя же снисходительныя распоряженія касательно разсматриваемаго нами предмета издаваемы были и въ другихъ епархіяхъ, хотя свѣдѣній объ этомъ мы имѣемъ немного (3). Что же слѣдуетъ изъ всего сказаннаго? Очевидно то, что соборъ 1667 года, запретивъ употребле-

(1) Опис. Солов. монаст. архив. Досвояея, ч. 3, стр. 235—7.

(2) Акт. Истор. т. V, № 244.

(3) См. напр. Акт. Арх. Экспед. т. IV, № 275; Дополн. къ Истор. Акт. т. VI, № 69; т. VIII, № 50, п. 2.

ніе старыхъ служебниковъ и печати на просфорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ, не предавъ ихъ клятвѣ; иначе епархіальные архіереи, обязанные точно исполнять постановленія собора, не могли бы такъ снисходительно относиться къ подчиненному имъ духовенству, продолжавшему служить, вопреки собору, по старымъ служебникамъ и на просфорахъ «старыя печати крестовъ», а непременно предавали бы непокорныхъ анаемѣ.

Далѣе: соборъ 1667 года запретилъ употреблять для крестнаго знаменія, такъ называемое, двуперстіе и заповѣдалъ всѣмъ православнымъ христіанамъ креститься тремя первыми перстами правой руки. А между тѣмъ въ грамотѣ новгородскаго митрополита Евѣимія, посланной въ іюль 1695 года архимандриту иверскаго монастыря Антонію, заповѣдуются только «надзирать, чтобы игумены и строители и черные и бѣлые попы.... крестилися и дѣтей своихъ духовныхъ и приходскихъ людей поучали креститься жъ троеперстнымъ сложеніемъ» (1). Само собою разумѣется, что еслибы двуперстіе было проклято соборомъ 1667 года, Евѣимій не могъ бы ограничиться однимъ повелѣніемъ духовенству—креститься тремя перстами и «поучать» тому же «приходскихъ людей», а, вѣроятно, сопровождалъ бы свое распоряженіе объ этомъ предметѣ если не анаеемою непокорнымъ, такъ по крайней мѣрѣ угрозою отлученія. А митрополитъ тобольскій Игнатій, святой Димитрій ростовскій и др. представляютъ свидѣтельство того, что епархіальные архіереи снисходительно относились и къ другимъ обрядамъ, запрещеннымъ соборомъ 1667

(1) Акты Истор. т. V, № 244, стр. 446.

года. «Православнии, писалъ Игнатій тобольскій въ своемъ 3 посланіи къ тобольской паствѣ, обѣ молитвы (Иисусовы) приемлютъ: яко во единой Сына Божія сыновство исповѣдуютъ: во второй же тогожде Сына Божія и Бога величаютъ» (1). «Азъ въ епархіи моей, писалъ святой Димитрій ростовскій, не возбраняю и сиче молитву творити: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! токмо бы кто не держалъ въ сердцахъ злославныя ереси Аріевы» (2). Всего этого, разумѣется, не могло бы быть, если бы, какъ утверждаютъ старообрядцы, соборъ 1667 года проклялъ, такъ называемыя, старыя книги и обряды.

Старообрядцы могутъ сказать, что всѣ указанныя нами свидѣтельства принадлежатъ не власти церковной, а частнымъ лицамъ, которыя, по своему сочувствію къ старинѣ (3), или по какимъ либо другимъ причинамъ, могли снисходительно смотрѣть на употребленіе, вопреки постановленію собора, проклятыхъ имъ старыхъ книгъ и обрядовъ, и голосъ которыхъ поэтому не можетъ быть признанъ за выраженіе мнѣнія о разсматриваемомъ нами предметѣ всей русской церкви. Какъ ни мало можетъ имѣть значенія подобное возраженіе въ глазахъ каждаго благомыслящаго человѣка, тѣмъ не менѣе, въ видахъ большаго успокоенія смущающейся совѣсти старообрядцевъ, мы считаемъ не излишнимъ обратить на него вниманіе и доказать, что и сама власть церковная смотрѣла на запрещенные соборомъ 1667 года обряды

(1) Прав. Собесѣдникъ 1855 г. кн. 2, стр. 101.

(2) Розыск. ч. 1, стр. 40.

(3) Такъ напр. о Корниліи, митрополитѣ новгородскомъ, у Саввы Романова говорится, будто-бы онъ сомнѣвался въ справедливости новыхъ обрядовъ (три челоб., стр. 108--9).

и книги также снисходительно, какъ снисходительно относились къ нимъ епархіальные архіереи.

Когда дошло до свѣдѣнія патриарха Іоакима, бывшаго, въ санѣ чудовскаго архимандрита, членомъ собора 1667 года, что во многихъ «монастыряхъ и въ соборныхъ и приходскихъ и ружныхъ церквахъ» новгородской митрополіи находятся «харатейныя старобытныя книги, по которымъ», по опредѣленію собора, «церковныя службы» не должны были «исправляться»,—онъ грамотою отъ 4 февраля 1677 года потребовалъ, чтобы новгородскій митрополитъ Корнилій отобралъ указанныя книги и прислалъ ихъ въ Москву, а у монастырскихъ властей и у поповъ взялъ «росписи, какими книгами у нихъ недовольство», общая «вмѣсто тѣхъ харатейныхъ взятыхъ книгъ дать имъ на Москвѣ съ нечатаго двора печатныя книги»⁽¹⁾. На случай же, если бы кто рѣшился утаить у себя какую-либо старую книгу, напр. служебникъ, Іоакимъ угрожалъ виновному только «пенею» въ десять рублей⁽²⁾.

Когда на соборѣ 1681 года царь Θεодоръ Алексѣевичъ заявилъ, что на Москвѣ «всякихъ чиновъ люди продаютъ книги прежнихъ печатей», и просилъ отцевъ собора изгнать изъ употребленія «тѣ книги» и «вмѣсто нихъ давать книги исправленныя, чтобы въ томъ во святыхъ церквахъ несогласія, а междь людьми сумнѣнія, не было»,—соборъ не только не изрекъ проклятія на тѣхъ, кто продавалъ, или покупалъ старопечатныя книги, но даже не счелъ нужнымъ запретить подобную торговлю, и только постановилъ—давать «безъ цѣны новоисправныя кни-

⁽¹⁾ Дополн. къ Акт. Истор. т. VII, № 63.

⁽²⁾ Опис. Солов. монаст. архим. Досиѣея, ч. 3, стр. 236.

ги» тому, кто самъ добровольно «учиеть книги приносить прежнихъ печатей» на печатный дворъ (1).

Въ 1682 году вспыхнулъ въ Москвѣ, такъ называемый, стрѣлецкій раскольничій бунтъ. Когда, во время пренія патриарха съ старообрядцами, бывшаго (3 іюля) въ крестовой патриаршей палатѣ, одинъ изъ старообрядцевъ, по имени Павелъ, обратился къ Іоакиму съ слѣдующею вопросительною рѣчью: «Никонъ егда исперва на престолъ взыде, то онъ и учинилъ въ церкви расколъ и взялъ отъ папы Формоса римскаго костела, и повелѣ христіаномъ тремя персты креститься, а не крестящихся тремя персты всякимъ томленіемъ повелѣ мучити отецъ и братію нашу, да и вы по немъ тоже творите; да и въ молитвѣ Сына Божія не повелѣлъ глаголати; то, государь святѣйшій патріахъ, какая ересь и хула, что двѣма персты креститься-исповѣдывать божество и челоуѣчество и въ молитвѣ Сына Божія глаголати, и за что за то жечь въ струбахъ и пытатъ,»—патріархъ, по свидѣтельству самихъ старообрядческихъ писателей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ бунтѣ, отвѣчалъ: «мы за крестъ и за молитву въ струбахъ не жжемъ и не пытаемъ, мы за то жжемъ, что насъ еретиками называете и не повинуетеся святѣй соборнѣй и апостольствѣй церкви, а то какъ хоцетъ, такъ и крестится, двѣма ли персты и тремя ли, или всею дланію, то все едино, лишь бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ не истязуемъ» (2).

Мы не знаемъ, насколько вѣрно передавъ Саввою

(1) Акт. Истор. т. V, № 75, стр. 118.

(2) — «Исторія о вѣрѣ и челобитна о стрѣльцахъ» — рукописное сочиненіе Саввы Романова; снес. три челобитныя, изд. Кожанчинова, 1862 г. стр. 99. По свидѣтельству того же Саввы Романова, когда на

Романовымъ отвѣтъ патріарха Іоакима, изъ котораго видно, что и послѣ собора 1667 года церковная власть не только не проклинала двуперстія, а равно и другихъ, содержимыхъ единовѣрцами, обрядовъ, но даже готова была дозволить употребленіе ихъ, лишь бы только ревнители старины не отдѣлялись отъ церкви; но если бы кто-либо заподозрилъ старообрядческаго историка въ безпристрастіи, тому мы укажемъ другое, болѣе несомнѣнное, доказательство того, что церковная власть, въ лицѣ патріарха Іоакима, только признавала, такъ называемые, старые обряды меньше правильными, чѣмъ обряды, узаконенные соборомъ 1667 года, но ни чуть не проклинала ихъ, какъ не проклиналъ ихъ и самый соборъ, и что старообрядцы подвергались разнаго рода преслѣдованіямъ со стороны гражданской власти не за старые обряды, которые содержали, но за свои хулы на церковь православную и ея уставоположенія.

Извѣстно, что въ слѣдъ за прекращеніемъ стрѣльческаго раскольничьяго бунта патріархъ Іоакимъ занялся опроверженіемъ челобитной, поданной старообрядцами на соборъ въ грановитой палатѣ. Плодомъ трудовъ патріарха былъ его «Увѣтъ духовный», напечатанный въ сентябрѣ 1682 года (1) и въ томъ же году разосланный по всемі енархіямъ для всеароднаго чтенія въ церквахъ и для руководства въ собесѣдованіяхъ съ старообрядцами пастырямъ церк-

---

самомъ соборѣ въ грановитой палатѣ (5 Іюля) зашла рѣчь о крестномъ знаменіи, Софья Алексѣевна заимѣла слѣдующее: «да мы за сложеніе перстовъ не настаиваемъ, кто какъ хочетъ, такъ и крестится, хотя двѣма, хотя тремя персты, хотя распростертю дланію, все то равно.» (Тамъ же, стр. 125—6).

(1) — или, по тогдашнему началу новаго года съ сентября, 1683 года.

ви (¹). Въ этомъ сочиненіи патріархъ Іоакимъ не только не произноситъ анафемы на, такъ называемые, старые обряды, признанные соборомъ 1667 года неправильными и употребляемые нынѣ, съ благословенія свѣтѣйшаго синода, единовѣрцами, напротивъ говоритъ о нихъ съ почтеніемъ, хотя и совѣтуетъ всѣмъ держаться обрядовъ, одобренныхъ соборомъ 1667 года, какъ болѣе правильныхъ и согласныхъ съ уставоположеніями церкви греческой, чего, разумѣется, не могло бы быть, если бы соборъ 1667 года изрекъ свою клятву на старые обряды, какъ неправильно утверждаютъ старообрядцы. Такъ напр. о крестѣ осьмиконечномъ, употреблявшемся до патріарха Никона на просфорахъ и замѣненномъ крестомъ четвероконечнымъ, патріархъ Іоакимъ писалъ: «не точію осмоконецный (крестъ) цѣлуемъ, но и сей четвероконецный почитаемъ, и глаголемъ: кресту твоему поклоняемся Христе» (²), при чемъ прибавлялъ: «въ російскомъ государствѣ того нигдѣ нѣсть во христіанѣхъ, чтобы креста Господня (т. е. осьмиконечнаго) кто не почиталъ, и въ которой церкви и на церкви здѣ крестъ святой тричастный былъ отставленъ, ни въ которыхъ книгахъ того не обрящеша указа» (³). Касательно сложенія перстовъ для крестнаго знаменія Іоакимъ доказываетъ въ Уѣвѣ только то, что «хранити треперстное креста воображеніе весьма всѣмъ православнымъ подобаетъ» (⁴) и что «вся восточная церковь двоперстнаго сложенія и воображенія ими не приѣмлетъ: убо ниже намъ приняти по-

(¹) Акт. Истор. т. V. № 388; Акт. Археогр. Экзекд. г. IV. № 260 и 275.

(²) Уѣвѣ, по изд. 1753 г. л. 85 об. и 160 об.

(³) Тамъ же, л. 89 об.

(⁴) Тамъ же, л. 101.

добаесть» (1). Точно также и относительно аллилуйи Іоакимъ доказываетъ только, что «лучше есть по трижды пѣти аллилуйа, въ четвертое же приложити,— славѣ Тебѣ Боже: неже по дважды аллилуйа, въ третіе же, слава Тебѣ Боже» (2). Касательно молитвы Іисусовой патріархъ Іоакимъ писалъ слѣдующее: «мы благодатию пресвятаго Духа, якоже пріяхомъ отъ святыхъ отецъ, тако вѣруемъ и содержимъ, и повелѣваемъ *объ молитвы глаголати вѣмъ* православнымъ христіаномъ, еже сице: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Такожде и сію молитву: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ, никогда не отрицаемъ, и кто которую хоцетъ глаголати, не возбраняемъ», хотя присовокуплялъ и доназывалъ, что «*нужднѣе* есть сице молитву творити: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ» (3). О числѣ просфоръ на литургіи патріархъ Іоакимъ разсуждаетъ такимъ образомъ: «не не вѣмы нѣкихъ церквей обычая, яко надъ седмю служатъ просфорами, во образъ оныя трапезы, егда Христось Господь изволи седмю хлѣбовъ четыре тысящи народа насытити, во *лучши* есть надъ пятю служить, во образъ оныя трапезы, егда пятю хлѣбы пять тысящъ народа насыти: ибо большее есть чудо пятю хлѣбами пять тысящъ насытити, неже седмю хлѣбами четыре тысящи; чего ради и на всенощномъ бдѣніи пять, а не семь хлѣбовъ посвящаются» (4); касательно же печати на просфорахъ патріархъ замѣчалъ, что ни апостолы, ни святые отцы, ни патріархи московскіе до Никона ни-

(1) Тамъ же, л. 102.

(2) Тамъ же, л. 112 об.

(3) Тамъ же, л. 119.

(4) Тамъ же, л. 156 об. и 157.

гдѣ не заповѣдали «на просфорахъ имѣти крестъ ос-
моконечный съ копіемъ и тростию, и со главою Адам-
лею, и съ надписаніемъ: се агнецъ Божій» (¹)... и
что „святая восточная церковь содержитъ на просфо-
рахъ четвероконечный крестъ точію съ надписаніемъ
имени Іисусъ Христосъ, по разуму прочихъ тайнъ, и
знаменуетъ на просфорахъ той крестъ плотскаго Хри-
стова смотрѣнія образъ: понеже плотію Христосъ,
якоже и мы егда распрострети имамы руки, четверо-
конеченъ есть, и бываетъ той святой агнецъ, иже
вынятъ отъ просфоры, подъ видомъ хлѣба, самое тѣ-
ло Христово призываніемъ Святаго Духа и молитва-
ми отъ священника читаемыми» (²). Наконецъ,
относительно сѣмвола вѣры Іоаннъ писалъ: «да
вѣсть всякъ православный, яко сердцемъ вѣруемъ,
усты же исповѣдуемъ, и велегласно вопіемъ: Духа
Святаго быти Бога истиннаго, равно якоже и Отецъ
есть Богъ истинный, и Сынъ есть Богъ истинный.
Обаче въ сѣмволѣ прилагати сего имени истиннаго
до Духа Святаго не дерзаемъ и хотящимъ прилагати
возбраняемъ, того ради, яко его же отцы святіи въ
сѣмволѣ не положиша, намъ нибакоже свободно есть
положити» (³); и за тѣмъ, сказавъ, что если прежде
Никона «мнози *православни* людіе» и употребляли
слово: истиннаго, то только «по невѣдѣнію», патри-
архъ писалъ: «увѣщаемъ вы, повелѣваемъ и молимъ,
да отложше прекословія гордость и гордости прекос-
ловіе, сиче чтете и мудрствуете: и въ Духа Святаго,
Господа животворящаго; тако бо чтуще согласни бу-
демъ сѣмволу греческому, Духомъ Святымъ чрезъ от-

(¹) Тамъ же, л. 160.

(²) Тамъ же, л. 164.

(³) Тамъ же, л. 129.

цы святыя сложенному, и свободни будемъ отъ клятвы оныя, юже отцы святїи наложиша на дерзающїя прилагати что и отымати, или измѣннати въ сѣмволѣ» (1). Что же касается седьмага члена сѣмвола вѣры, то патріархъ Іоакимъ писалъ, что чтеніе: «его же царствїю не будетъ конца» — правильнѣе и согласнѣе и съ греческимъ текстомъ и съ самою мыслию, заключающеюся въ указанномъ членѣ; такъ какъ въ немъ рѣчь идетъ о будущемъ царствѣ Христовомъ, имѣющемъ наступити послѣ втораго Его пришествїя; а «о будущемъ царствїи нѣсть лѣтъ нынѣ глаголати временемъ настоящимъ: нѣсть, но будущимъ: не будетъ» (2).

Если же, по мысли патріарха Іоакима, обряды, содержимыя старообрядцами, только менѣе правильны, чѣмъ обряды церкви православной, а нѣкоторые изъ нихъ могутъ даже употребляться наравнѣ съ обрядами православїя; то за что же преслѣдовали старообрядцевъ въ концѣ XVII столѣтїя и подвергали ихъ разнаго рода мученїямъ? На этотъ вопросъ Іоакимъ отвѣчалъ, что старообрядцы страждутъ не за обряды, содержимыя ими, а за свои хулы на церковь православную и ея уставоположенїя. Указавъ разнаго рода «злохуленїя», которыя старообрядцы, современные патріарху, изрекали на православную церковь и ея обряды, на «благочестивыхъ царей, и архїереевъ, и іереевъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ», называя

(1) Тамъ же, л. 126 об. и 137.

(2) Тамъ же, л. 122—5. При этомъ считаемъ неизлишнимъ замѣтить, что взглядъ на обрядовыя разности, существующїи между церковїю православною и старообрядствомъ, находящїйся въ Увѣзѣ патр. Іоакима, былъ высказанъ еще прежде—въ Жезлѣ правленїя (см. ч. I, л. 58—67, 73—87, ч. 2, л. 105 об.—107 и др.), написанномъ Сѣмеономъ Полоцкимъ, но рассмотрѣнномъ и одобренномъ къ напечатанїю соборомъ 1666—7 года (Доп. къ Ист. Арт. т. V, стр. 456 и 472—3).

ихъ «еретиками», Іоакимъ замѣчалъ, обращаясь къ старообрядцамъ: «сихъ ради злохуленій вашихъ, наипаче же вѣры ради святыя, юже хулити дерзнуете, страждете», и притомъ «страждете» по распоряженію гражданской власти (1).

(1) Увѣт. л. 107—110.—Мы остановились съ особенною подробностію на Увѣтѣ патріарха Іоакима, имѣя въ виду показать подлинность появившейся въ последнее время между старообрядцами „присяги“ (она напечатана въ прусской безпоповщинской обители, которою управлялъ многъ Павелъ), составленной будтобы въ патріаршество Іоакима, въ которой новопоставляемый во священника долженъ былъ проклинать, между прочимъ, не крестящихся тремя перстами, а знаменующихся двумя, служащихъ литургію на семи, а не на пяти просфорахъ и проч. Такой «присяги» никогда не давали пастыри православной церкви, и она измыслена самими старообрядцами. Правда въ 1720 году была напечатана въ Москвѣ, по повеленію Петра I, «чинъ, како приимати отъ раскольниковъ и отступниковъ къ православной вѣрѣ приходящихъ», въ которомъ есть, между прочимъ, и проклятiе на «незнаменующихся тремя первыми персты, но двумя—указательнымъ и среднимъ» и проч. Но и въ этомъ чинѣ проклинаются крестящиеся двумя перстами и употребляющіе другіе, содержимыя старообрядцами, обряды не за употребленіе этихъ обрядовъ, а за хулы ихъ на обряды православія. «Проклинаю, долженъ былъ произносить новоприсоединяемый старообрядецъ, вся ереси и отступства и злохуленія и расколы, а именно: сложеніе тріехъ первыхъ перстовъ въ знаменіи крестномъ ересію и печатію антихристовою нарицающихъ и незнаменующихся тремя первыми персты, но двумя указательнымъ и среднимъ. Тривратное глаголаніе аллилуіа и ими Іисусово, пашимое сяце: Іисъ, ересію, и крестъ четвероконечный идоломъ, кумиромъ, мерзостію запустѣніа, стоящую на мѣстѣ святѣ. Молитву сію: Господи Іисе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, новою молитвою еретическою нарицающихъ, и глаголющихъ по псалмѣхъ аллилуіа по дважды, а не по трижды, и не глаголющихъ сея молитвы: Господи Іисе Христе Боже нашъ, помилуй насъ», и проч. Не имѣя, чѣмъ подтвердить свою несправедливую мысль, будто соборъ 1667 года проклялъ, такъ называемые, старые обряды и будто церковная власть послѣдующаго времени также относилась къ этимъ обрядамъ, старообрядцы въ недавнее время перепечатали въ той же прусской обители «чинъ», наденный, по распоряженію свѣтской власти, въ царствованіе Петра I, передѣлавъ его на свой ладъ и опустивъ изъ него тѣ слова и выраженія, которыя показываютъ, что проклятiе произошло на старообрядцевъ за ихъ хулы на обряды православія, а не за употребленіе ими старыхъ обрядовъ. Вълѣдствіе такой пере-

По смерти Іоакима на престолъ патриаршій возведенъ былъ казанскій митрополитъ Адріанъ. Вѣрный ученію церкви, управленіе которой Промыслъ поручилъ ему, и этотъ первосвятитель смотрѣлъ на обряды, признанные соборомъ 1667 года неправильными, точно также, какъ смотрѣлъ на нихъ егѳ предшественникъ. Требуя отъ подчиненнаго духовенства, чтобы оно служило по новоисправленнымъ книгамъ и обрядамъ, патриархъ Адріанъ не произносилъ никакаго суда, а тѣмъ болѣе клятвы, на обряды, такъ называемые, старые. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть изданную Адріаномъ въ декабрѣ 1698 года инструкцію поповскимъ старостамъ. Вотъ что говорилось въ этой инструкціи: «въ городѣ и уѣздѣ всѣхъ церквей попомъ заказъ учинить накрѣпно, чтобы у нихъ во святыхъ Божіихъ церквахъ все церковное славословіе было чинно и немятѣжно и единогласно, и пѣніе пѣли на рѣчь и божественныя литургіи служили по исправнымъ служебникамъ надъ пятію просфорами печатными крестомъ четвероконечнымъ, какъ о томъ напечатано во исправныхъ служебникахъ (§ 1); всѣхъ церквей поны и діаконы изъ алтаря на вечерняхъ и на литургіяхъ со святымъ евангеліемъ и съ преношеніемъ святыхъ таинъ хожденіе творили по чину святыхъ восточныхъ церкви и

дѣли въ чинѣ, напечатанномъ старобрядцами будтобы съ чина, изданнаго при Петрѣ, явилось промлатіе въ такомъ видѣ: промлинаю веѣхъ, иже нынѣ не крестятся тремя первыми перстами, но крестятся двоимъ персты, указательнымъ и среднимъ, и прочихъ учать творити тако, да будутъ проклати и азаеша и т. д. Насколько добросовѣстно поступаютъ ревнители древняго благочестія, передвывая на свой лаъ историческіе памятники, чтобы только имѣть хотя какой либо поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ на православную церковь, объ этомъ предоставляемъ судить ихъ совѣсти.

по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ съ-
верными дверьми къ восточной сторонѣ, и въ кажде-
ніи и въ крещеніи вокругъ купели и въ вѣнчаніи суп-
ружества и во освященіи святыхъ церковей хожденіе
творили противъ тогожъ, а южными дверьми на ве-
черняхъ и на литургіяхъ со евангеліемъ и со прено-
шеніемъ святыхъ таинъ и во освященіи святыхъ
церквей и съ кажденіемъ изъ святаго алтаря отнюдь
не исходилибъ (§ 6); у просфирницъ досматривать
печатей, чтобъ были печати четвероконечнаго креста;
а у которыхъ нѣтъ, и тѣмъ давать печати четверо-
конечнаго креста, а прежнія печати у нихъ обирать
и присылать ко святѣйшему патриарху въ Москвѣ съ
старостами поповскими, и по просфирницахъ собирать
поручныя записи, что имъ впредь печатать просфоры
четвероконечнымъ крестомъ» (§ 15).

Правда, патриархъ Адрианъ повелѣвалъ (§ 18)
пойманныхъ раскольниковъ ссылатъ, послѣ допроса,
въ монастыри «и держать ихъ до указа святѣйшаго
патриарха въ крѣпости, чтобъ никуда не ушли»,—но
не за то, что они содержали свои, особые отъ пра-
вославія, обряды, а за то, что не повиновались свя-
той церкви и «христіанъ отъ православныя вѣры
своимъ злохитрствомъ и ученіемъ сатанинскимъ от-
вращали», а нѣкоторые, кромѣ того, сожигали ихъ
«въ овинахъ и въ лѣсахъ» (1).

По смерти патриарха Адриана послѣдовала пере-
мѣна въ церковномъ управленіи. Единоличная власть
духовная замѣнена была (14 февраля 1721 года) кол-
легіальною, или соборною,—мѣсто патриарха занялъ
святѣйшій правительствующій синодъ. Не смотря

(1) Собр. Закон. т. III, № 1612.

однакоже на такую, церемѣну, взглядъ церковной власти на обряды, признанные соборомъ 1667 года неправильными, не измѣнился, и святѣйшій синодъ, точно также, какъ и патриархи, заботясь о введеніи во всеобщее церковное употребленіе обрядовъ исправленныхъ, не только не проклиналъ обрядовъ, такъ называемыхъ, старыхъ, содержимыхъ нынѣ, по благословенію его, единовѣрцами, напротивъ прямо признавалъ ихъ, какъ обряды, безразличными, въ дѣлѣ вѣры и спасенія, и только потому, запрещалъ ихъ употребленіе, что старообрядцы придавали своимъ обрядамъ догматическое значеніе, что несправедливо, а на обряды православія смотрѣли, какъ на еретическіе, что также неаврно. Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ на слѣдующее, замѣчательное распоряженіе святѣйшаго синода, которое онъ сдѣлалъ въ первый годъ своего существованія, т. е. въ 1721 году. Когда, въ царствованіе Петра I, нѣкоторые изъ старообрядцевъ изъявили желаніе присоединиться къ святой церкви, но въ тоже время не хотѣли оставить своего двуперстія, святѣйшій синодъ составилъ «увѣщательные пункты о перстномъ сложеніи», въ которыхъ, высказалъ свой взглядъ на этотъ, по мнѣнію старообрядцевъ, главный предметъ разногласія ихъ съ церковію. Вотъ что говорится въ этихъ пунктахъ, посланныхъ въ Москву архимандриту златоустовскаго монастыря Антонію, бывшему судьей въ приказѣ церковныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ архимандритомъ Теофилактомъ Лопатинскимъ, завѣдывавшему дѣлами по расколу: «обращающимся отъ раскола, но единого прежняго своего сложенія перстнаго перемѣнить не хотящимъ, предлагать слѣдующая:

1) сказать имъ, что между правыми христіанскими догматами, которыя непремѣнно хранили все должны, и еретическими уставленіи, которыхъ все должны берещися, суть въ церкви святой нѣкія вещи среднія, свободно употребляемыя съ благочиніемъ и благообразіемъ, или и нѣкоего ради знаменованія, которыя къ благочестію ниже нужная суть, ниже вредная. Среднія же вещи отсюда познаются: аще что отъ священныхъ писаній и важныхъ въ церкви святой соборовъ и отъ извѣстныхъ преданій древнихъ ниже узаконено, ниже отвержено есть. Таковыя суть многіе церковныя обряды, или церемоніи, которые искони не были, но по времени благочинно введены, иные же и переимѣнены, иные же и отставлены; и бываетъ въ одной церкви одинъ, а въ другой другій чиновный обычай, безъ всякаго между церквами раздора, съ всецѣлымъ единовѣріемъ и въ благочестіи согласіемъ; 2) обаче и таковая средняя, свободъ христіанской подлежащая, не всякому человѣку переимѣнять, или отставлять; или вновь заводить позволено: понеже отъ сего произошло бы смущеніе, и человѣкъ простой, но гордый, среднихъ вещей разсуждать не искусный, вмѣсто средняго ввелъ бы нѣчто худое, или отставилъ бы хорошее и закономъ Божиимъ повелѣнное. Не уставлять и отставлять среднія имѣютъ власть власти державныя христіанскія, совѣтомъ и согласіемъ духовныхъ пастырей и прочихъ искуснѣйшихъ учителей, такожъ и крайніе духовные пастыри, соборы, или соборныя правительства, съ изволеніемъ державныхъ властей, о чемъ многіе имѣемъ образы, какъ въ ветхозавѣтной, такъ и въ новозавѣтной церкви; 3) аще кто вещь среднюю

поставить или въ крѣпкій догматъ, или въ ересь, тотъ уже самъ еретичествуеть: понеже что Богъ самъ оставилъ намъ яко среднее, онъ таковой самоволиемъ своимъ узаконяеть яко весьма нужное, или отвергаетъ яко богопротивное, и тако похищаетъ себѣ власть Божию, представляя себя властителемъ совѣстей человѣческихъ; и о таковыхъ глаголетъ апостоль: что учать, яже не вѣдаютъ, дмящеса отъ ума плоти своея. А когда церковь чрезъ державную или крайнюю духовную власть, или чрезъ соборы и соборныя правительства уставляетъ нѣкіе обряды средніе, тогда не яко догматы намъ предлагаетъ, но яко благочинія и благообразія; и подчиненніи должны хранили таковыя уставы, по долженству послушанія своего и повиновенія къ властямъ во всякомъ повелѣваемомъ дѣлѣ, Богу не противномъ. Но когда законная власть и отставляетъ или перемѣняетъ нѣчто среднее, должны суть подчиненніи и тому не противитися: среднія бо вещи не самыя собою сильныя суть, но отъ воли властей законныхъ имѣють силу; 4) сія предложивше, спросить приходящаго отъ раскола, о треперстномъ сложеніи сумнящагося: како онъ о нашемъ и о своемъ сложеніи разумѣеть: средняя ли вещь есть, или догматъ? Аще догматомъ наречеть, то должемъ доказать свое мнѣніе отъ священнаго писанія, ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ книгъ, такожь отъ важныхъ соборовъ, или отъ преданій древнихъ, то есть, отъ согласія многихъ древнихъ учителей, чего онъ и никтоже иной въ вѣки не докажетъ. Если же наречеть вещь среднюю, то да утвердитъ слово свое ялтвою. И тогда воспросити го: чесо ради не хочетъ сложенія своего переста-

вить? Аще бо вещь есть средняя, то нѣтъ никакой важной причины, для чего оную непременно содержать, кромѣ единого упрямства; упрямствомъ же тымъ противится согласію церковному, оставляетъ на себѣ заторный образъ, соблазняетъ ближнихъ своихъ и законнымъ властемъ и духовному правительству не покоривъ является, и развѣ самъ (?), противъ совѣсти своей, вещь среднюю изъ среды извлекаетъ и самоволіемъ въ догматъ ставитъ, и тако явно еретичествуетъ. А о церковномъ разумѣніи сіе сказать ему, что церковь святая кій либо образъ перстнаго сложенія имѣла и имѣетъ за вещь среднюю, но раскольникомъ противится за тое, что они образъ сложенія перстнаго, каковъ они полюбили, ставятъ за догматъ вѣры, а каковъ въ нашемъ обычаѣ видятъ, ставятъ въ ересь, и уже свой сложенія образъ сдѣлали злымъ, не аки бы онъ самъ собою золъ былъ, но яко непокоривой, злой, немиролюбивой и гордо еретичествующей совѣсти ихъ свидѣтель есть» (1).

Такимъ образомъ, по мысли святѣйшаго синода, двуперстіе, а равно и другіе обряды, содержимые старообрядцами, не заключаютъ въ самихъ себѣ ничего грѣховнаго и злаго и осуждаются церковію только потому, что служатъ выразителемъ, символомъ противленія старообрядцевъ правительствующей церковной власти, отмѣнившей эти обряды,—и свидѣтелемъ ихъ злой и немиролюбивой совѣсти (2).

(1) Полное собр. постановл. и распоряж. по вѣдомству правосл. исповѣд. росс. импер. т. I, стр. 148—50; свес. Опис. доум. и дѣл. св. синод. т. I, стр. 393—4 и ССХVII—IX.

(2) Что же касается старопечатныхъ книгъ, которыми старообрядцы защищали свои обряды, то святѣйшій синодъ въ томъ же 1721 году

Само собою разувѣется, что послѣ того, какъ свѣтѣйшій синодъ высказалъ свой взглядъ на, такъ называемые, старые обряды, какъ на вещи среднія, не имѣющія существеннаго значенія въ дѣлѣ вѣры и спасенія, которыя сами по себѣ безразличны и могутъ сдѣлаться «злыми» только влѣдствіе неправильнаго пониманія ихъ людьми неразумными, — и частныя лица не могли смотрѣть на дѣло иначе. Таково дѣйствительно разумнѣе обрядовъ, содержимыхъ старообрядцами, мы и находимъ во всѣхъ полемическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ прошедшемъ столѣтіи, и даже въ тѣхъ изъ нихъ, которыя нечужды «жестокословныхъ порицаній» на эти обряды. Θεοφιλαктъ Лопатинскій въ своемъ «Обличеніи неправды раскольнической» прямо говорилъ, что «сложеніе перстовъ въ знаменіи крестномъ не токмо раскольническое, но и всякое иное, не есть членъ вѣры, всякому ко спасенію потребный», и на вопросъ: почему же «на знаменующихся двѣма персты, а не хотящихъ тремя персты знаменатися, клятва положена» (1); почему «и гоненіе терпятъ и раскольщиками нарицаются сичевіи», от-

повелѣлъ только отбирать такія книги у всѣхъ, кто ихъ имѣетъ, и на мѣсто ихъ выдавать книги новосправленныя, не произнося о старыхъ книгахъ никакого суда, а тѣмъ болѣе клятвы. «Книги харатейныя и старопечатныя у кого явились и впредь по извѣсту явятся въ продажѣ. — читаемъ въ указѣ отъ 17 мая, — какъ въ книжномъ ряду, такъ и въ домахъ: оныя всѣ взять къ церковнымъ дѣламъ и отослать на печатный дворъ; а вмѣсто тѣхъ дать тѣмъ людямъ съ печатнаго двора новосправленныя за настоящую цѣну, и въ ту цѣну за оныя взятія у нихъ старопечатныя книги зачесть, что достоинъ, и сказать тѣмъ людямъ, у кого тѣ старопечатныя книги взяты будутъ, его великаго государя указъ съ прикладываніемъ рукъ, что имъ какъ харатейныхъ, такъ и старопечатныхъ книгъ не продавать и въ домахъ у себя не держать (С. 3. т. VI, № 3784.)

(1) Θεοφιλαктъ разувѣетъ въ этомъ случаѣ клятву не собора 1667 года, а «чина», изданнаго, по повелѣнію Петра I, въ 1720 году.

вѣчалъ слѣдующее: «того ради, что сицевѣи въ догматъ ставятъ свое двуперстное сложеніе и отмечающую безуміе ихъ церковь православную безмѣрно хулятъ и всякія святыни лишены быти сея ради вины блядословятъ. Аще бы сицевѣи подѣ сложеніемъ своихъ двухъ перстовъ не имѣли сего смертоноснаго яда, но отъ простоты и невѣжества тако знаменалися, не были бы клятвы достойны и раскольниковскаго имене. А понеже не отъ простоты сія творятъ, но отъ крайнія злобы, и въ томъ суевѣріе свое полагаютъ, а противящихся имъ невѣрнымъ и нехристіаномъ причитаютъ: достойны суть клятвы и имене раскольниковскаго, *яко сущій противницы церкви и истинѣ*» (1). А митрополитъ Платонъ въ своемъ «Увѣщаніи» прямо говорилъ, что какъ православное, такъ и старообрядческое перстосложеніе одинаково выражаютъ вѣру творящихъ крестное знаменіе въ святую Троицу и въ два естества во Исусѣ Христѣ, только не одинаковымъ сложеніемъ перстовъ, и горько сѣтовалъ о томъ, что старообрядцы отдѣляются отъ церкви изъ за такого маловажнаго разногласія: «перестаньте вы о сложеніи перстовъ много волноваться, писалъ онъ, обращаясь къ старообрядцамъ;—это одно упорство, чтобъ въ вѣрѣ о святой Троицѣ быть согласнымъ, а за пальцы спорить: осудить васъ самая святая Троица, что вы, стоя за пальцы, любовь нарушаете: а любовь есть пріятнѣе святой Троицѣ, нежели сложеніе перстовъ всѣхъ рукъ, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ. Не о томъ много спорьте, какъ раздѣленные персты соединять, но о томъ больше подумайте, какъ бы раздѣленные отъ церкви души соединить во едино стадо подѣ пра-

(1) Облич. гл. I, л. 21.

вительствомъ единого пастыря Іѳа Христа» (1). Не излишнимъ считаемъ замѣтить при этомъ, что такъ разсуждали православные пастыри и сама власть церковная объ одномъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ старообрядства—въ то время, когда еще не было единовѣрія и когда, слѣдовательно, не настояло нужды прибѣгать къ лицемерію и хитрости, въ чемъ несправедливо заподозрѣваютъ старообрядцы благосклонные отзѣвы о содержимыхъ ими обрядахъ, явившіеся въ сочиненіяхъ православныхъ писателей, писанныхъ уже по учрежденіи единовѣрія.

Наконецъ послѣднимъ доказательствомъ того, что соборъ 1667 года изрекъ свою клятву не на чтимые старообрядцами и содержимые единовѣрцами обряды, служить слѣдующее обстоятельство. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые изъ старообрядцевъ изъявили желаніе соединиться съ святою церковію «при посредствѣ старинныхъ обрядовъ», т. е. съ правомъ совершать богослуженіе по старопечатнымъ при первыхъ пяти патріархахъ книгамъ, и, не понимая истиннаго значенія клятвы собора 1667 года, просили святѣйшій синодъ «разрѣшить прежде положенныя клятвы на двоперстное сложеніе и другіе подобныя сему обряды» (1 пункт.). — святѣйшій синодъ, данною ему властію, разрѣшилъ просителей отъ клятвы, но замѣтилъ, что она была положена не на обряды, а на лица, изъ за обрядовъ, неправильно понимаемыхъ, «отторгавшіяся» отъ церкви, какъ отъ еретической, и что слѣдовательно, разрѣшая отъ клятвы единовѣрцевъ, какъ признавшихъ «истину» святой церкви «и таинства и священство ея дѣйствительными», онъ въ

(1) Увѣщ. л. 44—9.

тоже время оставляетъ подъ клятвою старообрядцевъ, которые хотя содержатъ тѣ же обряды, какіе употребляютъ и единовѣрцы, соединившіеся съ церковію, но изъ за этихъ обрядовъ «отторгаются отъ церкви», и живущей другіе обряды, какъ отъ неправославной. Послѣ этого уже во всѣхъ сочиненіяхъ православныхъ писателей, когда только шла рѣчь о клятвѣ собора 1667 года, постоянно высказывалась одна мысль — та, что клятва эта была изречена не на обряды и что слѣдовательно церковь, дозволивъ употребить эти обряды единовѣрцамъ, ни мало не погрѣшила противъ постановленій собора 1667 года (1). Только въ последнее время нѣкоторые изъ свѣтскихъ писателей, въ слѣдъ за старообрядцами, стали утверждать, будто бы московскій соборъ 1667 года изрекъ свою клятву не только на старообрядцевъ, но и на самые обряды, содержимые ими и дозволенные единовѣрцамъ. Какъ несправедливо такое мнѣніе, видно изъ всего вышесказаннаго.

Если же клятва, изреченная соборомъ 1667 года, которою такъ смущаются глаголемые старообрядцы и нѣкоторые даже изъ единовѣрцевъ, не касается обрядовъ, содержимыхъ ими, то на кого же она падаетъ? Чтобы отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ обстоятельнѣе и безпристрастнѣе, — приведемъ самое опредѣленіе собора объ этомъ предметѣ. Заповѣдавъ въ началѣ «всякому чину православныхъ христіанъ» — духовенству и мірянамъ «покорятися во всемъ безъ всякаго сумнѣнія и прекословія святѣй восточнѣй и апостольскѣй церкви Христовой», заповѣдавъ въ частности

(1) Бесѣд. къ глагол. старообр. стр. 124—32; Свѣдѣн. о единовѣрч. церкв. л. 24 и 43 об.—6.

архимандритамъ и игуменамъ «поучать братію свою въ монастырѣхъ», а протопопамъ и священникамъ— каждому «въ своемъ приходѣ прихожанъ — мужей и женъ, и отроковъ, дабы покорилися вси во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточнѣй церкви» и принимали новоисправленныя книги и обряды; какъ ихъ узаконилъ соборъ,—отцы собора продолжали: «аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ: и мы такового противника данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаемъ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всеочлененія и стада и отъ церкви Божія отсѣваемъ, яко гниль и непотребень удъ, дондеже вразумится и возвратится въ правду покаяніемъ» (1). На кого же, повторимъ, падаетъ эта соборная клятва?

Прежде всего ясно, какъ Божій день, что она произнесена не на книги обряды и, такъ называемые, старые, признанные соборомъ неправильныи, а на людей, противниковъ святой восточной церкви и освященному собору: яко еретиковъ и непокорниковъ. Дилѣ: какъ было бы несогласно съ истиною утверждать, будто соборъ, изрекая клятву, не имѣлъ въ виду противниковъ его опредѣленіямъ относительно ис-

(1) Деволн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 486—7.

правленныхъ обрядовъ (1), такъ съ другой стороны было бы положительною неправдою думать, будто отцы собора произнесли свою клятву на непокорниковъ святой восточной церкви—только и единственно за то, что они содержали, такъ называемые, старые обряды, признанные соборомъ неправильными. Отцы собора, безъ прямого противорѣчiя самимъ себѣ, не могли этого сдѣлать, такъ какъ, узаконяя исправленные обряды и запрещая употребленiе обрядовъ старыхъ, они, какъ мы уже видѣли, не только не прокляли послѣднихъ, а напротивъ о многихъ изъ нихъ отозвались съ почтенiемъ другiе же не только «не обхуждали», но даже позволили употреблять «не прекословящимъ» (2). Это послѣднее выраженiе даетъ уже возможность опредѣлить безошибочно, кого разумѣлъ соборъ подъ «противниками» святой восточной церкви, на которыхъ падаетъ его клятва. Онъ разумѣлъ тѣхъ изъ послѣдователей мнимой старины, которые не только не хотѣли, согласно съ опредѣленiями собора, оставить старые обряды и принять обряды исправленные, но еще «прекословили» (3) освященному собору, узаконившему эти послѣднiе обряды, или, говоря словами собора, не только сами не употребляли исправленныхъ обрядовъ, но и другихъ, содержащихъ эти обряды, «укоряли, аки неправо содержащихъ» (4); а такъ какъ употребленiе этихъ обрядовъ было узаконено церковiю,—то укоряли, какъ неправо содержащую, какъ еретичествующую, и самую цер-

(1) Тамъ же, стр. 507.

(2) Тамъ же, стр. 503.

(3) Тамъ же, стр. 507.

(4) Тамъ же, стр. 462.

новъ. и такимъ образомъ являлись не только непокорниками власти церковной, но и еретиками.

А что именно такія лица имѣлъ въ виду соборъ 1667 года, изрекая свою клятву, это видно изъ его же опредѣленій. Говоря о книгѣ: «Жезль правленія», изданной соборомъ въ обличеніе челобитныхъ Никиты и Лазаря, отцы собора замѣчали при этомъ: «и за то ихъ ложное писаніе и неправедное обличеніе и смущеніе предахомъ ихъ проклятію и анаемѣ». Но такъ какъ Никита впоследствии раскаялся (хотя и притворно) и былъ принятъ въ общеніе съ церковію (1), то «клятва и проклятіе замѣчали отцы, возводится нынѣ точію на Аввакума, бывшего протопопа, и на Лазаря попа, и Никифора, и Епифанца чернца соловецкаго, и Ѳедора дьякона, и на прочихъ ихъ единомысленниковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ, дондеже вребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи». (2). Мы не знаемъ, что за лица были Никифоръ и Епифаній, соловецкій чернецъ, и чему они учили; но мы можемъ, на основаніи опредѣленій самаго собора, судить, за что преданы были проклятію Аввакумъ, Лазарь и дьяконъ Ѳедоръ. Аввакумъ, по словамъ отцевъ собора, не только «писа хулы на святаго сѹмвола исправленіе, на тріехъ первыхъ перстовъ въ креста воображеніи сложеніе, на исправленіе книжное и на исправители, на согласіе пѣнія церковнаго», т. е. хулилъ новоисправленные книги и обряды, но еще «оклеветалъ и священники московскія, аки невѣрующія во Христа вочеловѣчшася и не исповѣдающія его воскресенія, еще же аки именующихъ не-

(1) Тамъ же, стр. 451.

(2) Тамъ же, стр. 473, снес. стр. 456.

совершенна быти царя со Отцемъ на небеси Христа Господа и Духа Святаго не истиннаго исповѣдующихъ, и иныя многія симъ подобныя лжи и клеветы не убо-яся Бога написать; къ нимъ же приложи яко епилогъ мятежословіе, возбраня православному христіаномъ отъ священниковъ, новоисправленныхъ книгъ во священнодѣйствіи употребляющихъ, божественныхъ таинъ комганія сподоблится». А когда на соборѣ былъ «стязанъ» о своихъ клеветахъ, то не только не покорился, но еще «злобу злобѣ прилагая укори въ лице весь освященный соборъ, *вся неправославными нарицаая*». Короче: Аввакумъ не только не хотѣлъ оставить, такъ называемыхъ, обрядовъ старыхъ, признанныхъ соборомъ неправильными, и принять обряды исправленные, но еще имѣлъ «злобу» за содержаніе этихъ обрядовъ обозвать отцевъ собора неправославными и, такимъ образомъ, явился не только расколникомъ, не желавшимъ имѣть общенія съ церковію, но и еретикомъ, провозгласившимъ неправославіе святой церкви, которой и врата ада не одолѣютъ; по слову Основателя церкви (Мѣ. XVI, 18); «тѣмъ же, скажемъ словами отцевъ собора, правильно осудися іерейства лишень быти и анаемѣ предатися» (1). Таковы же были и другіе расколоучители: попъ Лазарь и дьяконъ Ѳеодоръ, съ тѣмъ только различіемъ, что тогда какъ Аввакумъ обозвалъ неправославными только отцевъ собора 1666 года, т. е. русскихъ пастырей церкви, Лазарь, подобно Никитѣ, и дьяконъ Ѳеодоръ обвиняли въ неправославіи и всѣхъ греческихъ патриарховъ и весь греческій народъ, «глаголя ихъ немущія быти святаго крещенія» (2). Уже одного этого

(1) Дополн. къ Акт. Истор. т. V, стр. 448.

(2) Тамъ же, 451; свес. стр. 449.

быде достаточно, чтобы указаннымъ расколоводимъ подвергнуть проклятію. Но Аввакумъ, Лазарь, дьяконъ Ѳеодоръ и ихъ единомысленики не ограничивались тѣмъ, что сами еретичествовали и удалялись отъ общенія съ церковію; ядомъ своего ученія, будто церковь, принявшая новоправленные книги и обряды, потеряла истину, будто «ересими многими и антихристовою сиверною оживлены ея чины и таинства и до слѣдованіе церковное», — такъ, что «нынешняя церковь нѣсть церковь, тайны божественныя не тайны, крещеніе не крещеніе, архіереи не архіереи, писанія ложна, ученіе неправедное и вся скверна и неблагочестива» (1), они старались заразить и другихъ, «простыя чади прельщая и отъ единства святыя восточныя православно-каѳолическія церкви оттервая» (2); вслѣдствіе чего не только «мнози христіане отлучашася церковнаго входа и молитвы, и отъ грѣсѣтъ своихъ покаянія и исповѣданія, и пріятія тѣла и крове Христовы лишашася» (3), но и сами священники начали гнушаться новопечатныхъ книгъ и перестали отправлять по нимъ службы. При такихъ обстоятельствахъ анаеема на Аввакума, Лазаря, дьякона Ѳеодора и «на прочихъ ихъ единомыслениковъ и единомудренниковъ и совѣтниковъ ихъ», была дѣломъ не только строгой правды, — такъ какъ она согласовалась съ словами Христа Спасителя: *аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ; якоже язычникъ и мсташаръ* (Мѣ. XVIII, 17), но — и печальной необходимости, чтобы отсѣченіемъ ихъ отъ тѣла церкви предохранить

(1) Тамъ же, стр. 445.

(2) Тамъ же, стр. 448.

(3) Тамъ же, стр. 559—60.

отъ заразы другіе здоровые ея члены, или, по выраженію отцевъ собора, «да не прочіи люди повредятъ проказою своею» (1). Тѣмъ болѣе имѣлъ права поступить такъ соборъ 1667 года, что еще въ 1654 году константинопольскій патріархъ Паисій, отвѣчая на вопросы патріарха Никона, жаловавшагося между прочимъ восточному святителю на Павла, епископа доломенскаго, и протопопа Іоанна Неронова за то, что они не согласовались съ нимъ, содержали свои особыя книги, свою литургію, свое крестное знаменіе, порицали патріаршія молитвы и проч., писалъ слѣдующее: «сія вся суть знаменія ереси и раздора, и который сицева глаголетъ и вѣруетъ, есть чуждъ православныи нашей вѣры... Убо или да примуть не лицеѣрнѣ, елика держитъ и догматствуетъ православная наша церковь, или по первомъ и второмъ наказаніи, пребывше неисправленн, да отвержете и разлучите ихъ изверженіемъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ я смертною пажитію: и будете имѣти насъ я весело насъ соборъ таяжде мудрствующыя въ семъ» (2).

Если же мы обратимся въ древности болѣе глубокой, чѣмъ та, за которую ратуютъ старообрядцы, то увидимъ, что церковь иногда отлучала отъ себя и признавала раскольниками и даже еретиками не только тѣхъ, кто, вопреки ея требованію, не хотѣлъ оставить какихъ-либо неправильныхъ обрядовыхъ дѣйствій, но даже и тѣхъ, кто, вопреки ея опредѣленію, не соглашался равняться съ какимъ-либо несомнѣнно древнимъ и благочестивымъ обычаемъ, признаннымъ

(1) Тамъ же, стр. 452, снес. стр. 457.

(2) Скрижалъ, ч. I, стр. 711—16.

церковію по чему-либо неудобнымъ для дальнѣйшаго храненія вѣрующими. Такъ напр. извѣстно, что до перваго вселенскаго собора нѣкоторые восточные (малоазійскіе) христіане, на основаніи преданія, получившаго начало отъ апостоловъ Филиппа и Іоанна Богослова, праздновали пасху вмѣстѣ съ евреями, именно 14 числа перваго весенняго еврейскаго мѣсяца нисана, на какой бы день недѣли ни падало это число. Когда же первый вселенскій никейскій соборъ, согласно съ существовавшимъ въ первые три вѣка обычаемъ западныхъ христіанъ, который велъ свое начало отъ апостоловъ Петра и Павла, постановилъ, чтобы всѣ христіане повсюду праздновали пасху въ первый воскресный день послѣ 14 числа нисана, и когда нѣкоторые изъ малоазійскихъ христіанъ не согласились послѣдовать этому опредѣленію, а продолжали упорно хранить свой прежній обычай, — церковь на послѣдующихъ соборахъ вселенскихъ и помѣстныхъ признала ихъ не только раскольниками, но даже еретиками — четыредесятниками, наравнѣ съ арианами, македоніанами и под., и подвергла ихъ отлученію; не смотря на то, что четыредесятники отстаивали свой несомнѣнно древній, священный и апостольскій обычай, котораго, какъ правильнаго, держались въ свое время такіе знаменитые мужи, какимъ былъ напр. Полукарпъ, епископъ смирнскій, ученикъ святаго Іоанна Богослова. «Всѣ дерзающіе нарушатъ опредѣленіе святаго и великаго собора, въ Никей бывшаго, въ присутствіи благочестивѣйшаго и боголюбивѣйшаго царя Константина, — читаемъ въ 1-мъ правилѣ антioxійскаго собора, — о святомъ праздникѣ спасительныя пасхи, да будутъ отлучены отъ обще-

нія и отвержены отъ церкви, аще продолжаютъ *любоприительно* возставати противу добраго установленія И. сіе речено о мирянахъ. Аще же кто изъ предстоятелей церкви, епископъ, или пресвитеръ, или дѣаконъ, подлѣ сего опредѣленія дерзнетъ, къ развращенію людей и къ возмущенію церковей, *особитися* и со іудеями совершати пасху: таковаго святой соборъ отнынѣ уже осуждаетъ быти чуждымъ церкви, яко содѣлавшагося не только виною грѣха для самаго себя, но и виною растройства и развращенія многихъ. И не только таковыхъ соборъ отрѣшаетъ отъ священнослуженія, но и всѣхъ дерзающихъ быти въ общеніи съ ними, по ихъ изверженіи изъ священства. Изверженные же лишаются и ви́шнія чести, каковыя были они причастны по святому правилу и Божію священству» (1). Если же церковь такъ строго судила даже грѣхъ, кто, вопреки ея суду и опредѣленію, не хотѣлъ оставить обычая правильнаго, то соборъ 1667 года имѣлъ еще большее право подвергнуть клятвѣ, какъ раскольниковъ и еретиковъ, Аввакума, Лазаря, дѣакона Федора и, ихъ единомысленниковъ, которые, вопреки его опредѣленію, не только не согласились разстаться съ своими неправильными обрядами, но еще хулили разными именами обряды, узаконенные соборомъ, и церковь, принявщую эти обряды, называли, въ соблазну православныхъ, еретическою, оскверненною антихристовою скверною. Строго осудилъ соборъ 1667 года противниковъ его опредѣле-

---

(1) Мы привели это правило по Книгѣ правилъ, а не по Кормчей, гдѣ оно помѣщено въ сокращенномъ видѣ. См. о томъ же въ Кормчей 7 прав. втораго вселен. собора, 95 прав. шестаго всел. собора и 7 прав. Лаодикійскаго собора.

ніямъ, но справедлива была эта строгость, такъ какъ грѣхъ противленія крайне тяжелъ, дакъ говоритъ объ этомъ пророкъ Самуилъ: *якоже грѣхъ есть чарованіе, тако грѣхъ есть противленіе: и якоже грѣхъ идолопоклоненіе, тако нежокореніе* (1 Царств. XV, 23).

Впрочемъ, изрекая грозный судъ свой надъ противниками святой восточной церкви, какъ раскольниками и еретиками, отцы собора 1667 года не лишили ихъ и свойственной пастырской любви милости, присовокупивъ: «дондеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи» (1); или: «дондеже вразумятся и возвратятся въ правду покаяніемъ» (2).

Послѣ всего сказаннаго уже ясно видно, на кого и за что изречена соборомъ 1667 года клятва. Всѣ, кто не хотѣлъ оставить, такъ называемыхъ, старыхъ обрядовъ и принять обряды исправленные, одобренные соборомъ, подвергались соборной клятвѣ, но не за употребленіе своихъ старыхъ обрядовъ, которыхъ клятва не касалась, хотя соборъ и призналъ ихъ не правильными, а за то, что церковь православную, принявшую обряды исправленные, они неправильно обвиняли въ перемѣнѣ вѣры, въ ереси, и вслѣдствіе этого не только не хотѣли покориться освященному собору, но совершенно отдѣлились отъ церкви и ея іерархіи, не стали принимать ея таинствъ и составили свое, отдѣльное отъ церкви, самочинное общество. Другими словами: соборъ 1667 года проклялъ не обряды, признанные имъ неправильными, хотя и не нарушающими существа вѣры, а *расколъ*, отступничество отъ церкви изъ-за этихъ обрядовъ неразум-

(1) Дополн. въ Авт. Истор. т. V, стр. 473.

(2) Тамъ же, стр. 487.

ныхъ и упорныхъ ревнителей мнимой старины. А если такъ, то уже нетрудно опредѣлить и то, на кого нынѣ падаетъ соборная клятва и на кого она не простирается. Старообрядцы, не только содержащіе обряды, неодобренные соборомъ, но изъ-за этихъ обрядовъ удаляющіеся отъ церкви, употребляющей обряды исправленные, какъ отъ неправославной, еретической, не признающіе ни ея іерархіи, ни таинствъ, и составляющіе самочинное, независимое отъ церкви, общество, подлежатъ соборной клятвѣ, «яко еретики и непокорники». Единовѣрцы, признавшіе святость церкви православной и, во свидѣтельство признанія ея истины и благодати, покорившіеся ей и ея іерархіи, по самой силѣ соборнаго опредѣленія, какъ «вразумившіеся и возвратившіеся въ правду», — свободны отъ клятвы собора, не смотря на то, что, съ дозволенія святѣйшаго синода, остаются при своихъ, отличныхъ отъ православія, обрядахъ, которыхъ соборъ не проклиналъ. И святѣйшій синодъ, допустившій единовѣріе съ его особыми обрядами, не только не впалъ въ противорѣчіе съ соборомъ 1667 года, какъ несправедливо думаютъ нѣкоторые, напротивъ поступилъ вполне согласно съ его опредѣленіемъ, такъ какъ, повторимъ, соборъ изрекъ свою клятву не на обряды, дозволенные въ единовѣрїи, и не за содержаніе ихъ, а на противниковъ изъ-за этихъ обрядовъ святой церкви, хулившихъ ее разными именами, не признававшихъ ея святости, какими единовѣрцы, вошедшіе въ миръ и единеніе съ церковію, перестали быть.

Что же послѣ этого сказать о разсужденіяхъ старообрядцевъ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей от-

носително необходимости снятія, или уничтоженія клятвы собора 1667 года,—разсужденіяхъ, которыми смущаются и многіе изъ единовѣрцевъ? Со стороны старообрядцевъ такіа разсужденія естественны; имъ хотѣлось бы избыть отлученія, которому подвергъ ихъ соборъ за неразумное противленіе ихъ церкви; только церковь, вѣрная слову Основателя своего (Мѣ. XVIII, 17), не можетъ исполнить ихъ желанія, доколѣ они не оставятъ своего преслушанія ей, не можетъ признать своими дѣтьми тѣхъ, кто не хочетъ признать ее своею матерію. Что же касается единовѣрцевъ, то да не смущается совѣсть ихъ грознымъ опредѣленіемъ собора 1667 года; они, какъ уразумившіеся въ правду, что святая православная церковь истинствуетъ и благодать рукоположенія, преемственно отъ апостоловъ приемлемая и сохраняемая, въ ней пребываетъ, и общенія въ сей истинѣ и благодати искренно возжелавшіе,—свободны отъ клятвы, изреченной соборомъ на противниковъ святой церкви, и, по силѣ самаго опредѣленія собора 1667 года, разрѣшены и дѣйствительно разрѣшаются отъ проклятія святѣйшимъ синодомъ и данною отъ Бога епархіальною властію. А что они остаются при, такъ называемыхъ, старыхъ обрядахъ,—сіе не должно приводить ихъ въ сомнѣніе, потому что на сіи обряды соборомъ 1667 года клятвы не положено, какъ доказано выше; святѣйшій же синодъ, помня слова апостола: *быть встѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ* (1 Кор. IX, 22), по снисхожденію, благословляетъ имъ соблюдать сіи обряды, какъ разумѣемые ими православно (1). Наконецъ тѣ

---

(1) Церковь, благословляя единовѣрцамъ употреблять, такъ называемые, старые обряды, отъ своихъ чадъ, въ ея общеніи и единеніи рожд-

изъ православныхъ свѣтскихъ писателей, которые, съ цѣлю привлеченія старообрядцевъ въ нѣдра святой церкви, указываютъ на необходимость снятія, или уничтоженія клятвы собора 1667 года не только съ единовѣрцевъ, но и съ самыхъ обрядовъ, содержаемыхъ ими, достойны похвалы за свои заботы объ обращеніи заблуждающихъ на путь истины; но ихъ разсужденія объ этомъ предметѣ, какъ основанныя на неправильномъ пониманіи соборной клятвы, заслуживаютъ сожалѣнія, — тѣмъ болѣе, что они могутъ смущать людей простыхъ, какими, за немногими исключениями, должны быть признаны наши старообрядцы и даже большинство единовѣрцевъ. Если что и можно въ этомъ случаѣ признать справедливымъ въ жалобахъ старообрядцевъ и нѣкоторыхъ свѣтскихъ писателей, такъ это — указаніе ихъ на «жестокословныя, по выраженію старообрядцевъ, порицанія» обрядовъ, содержаемыхъ ими и дозволенныхъ единовѣрцамъ, какія находятся въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ, писанныхъ въ концѣ XVII и въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Но эти «порицанія», вызванныя самими старообрядцами—ихъ хулами на церковь православную и ея обряды, суть дѣло частныхъ лицъ и духа времени, къ которому церковь нисколько непричастна. Что же касается власти церковной, то,

---

денныхъ, воспитанныхъ и воспитываемыхъ, требуетъ храненія обрядовъ исправленныхъ. Такое дѣйствіе церкви значитъ не то, будто она особые обряды единовѣрія считаетъ менѣе спасительными, — *царствіе Божіе не въ словесахъ, а въ силѣ* (1 Кор. IV, 2), а то, что свои обряды она признаетъ болѣе правильными и желаетъ, чтобы чада ея пребывали въ правдѣ даже обрядовой, или, по апостолу, не только были *утверждены въ томъ же разумнѣнн и въ той же мысли, но и тогда глаголали вси* (1 Кор. I, 10).

какъ выше было показано, со времени московскаго собора 1667 года и до учрежденія единовѣрія, она постоянно высказывала на обряды, содержимые старообрядцами, одинъ взглядъ—тотъ, что они, какъ «вещи среднія», сами по себѣ не вредятъ спасенію своихъ читателей, и только осуждала неразумную привязанность къ нимъ старообрядцевъ. Поэтому церковная власть не только никогда не порицала, или, по выраженію отцевъ собора 1667 года, «не обхуждала» чтимыхъ ревнителями мнимой старины обрядовъ, напротивъ о многихъ изъ нихъ (осьмиконечномъ крестѣ, молитвѣ Іисусовой и др.) отзывалась съ почтеніемъ, даже сама употребляла ихъ, позволяя тоже и всѣмъ православнымъ. А когда, при учрежденіи единовѣрія, старообрядцы, искавшіе единенія съ церковію, заявили желаніе, чтобы на будущее время «распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны (т. е. ни со стороны единовѣрцевъ, ни со стороны православныхъ) не слышались за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія»,—церковная власть не только признала такое желаніе старообрядцевъ «благимъ и достойнымъ», но и постановила, «чтобы оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности» (§ 16 прав. о единовѣріи). Если же и послѣ этого появлялись иногда сочиненія съ укоризненными выраженіями объ обрядахъ, содержимыхъ старообрядцами и единовѣрцами, это не значитъ, будто церковная власть забыла, или измѣнила свое постановленіе,—предисловія, какія помѣщаетъ святѣйшій синодъ при издаваемыхъ имъ псалтиряхъ и часословахъ и въ которыхъ онъ приглашаетъ всѣхъ православныхъ «съ миромъ взирать» на особые обряды

единовѣрія, (1) показываютъ, что власть церковная по
прежнему смотритъ на обрядовыя разности старооб-
рядцевъ, — а говорить только о томъ, что нѣтъ зако-
на, котораго бы не нарушила немощь человѣче-
ская.

(1) См. Вспр. предисл. къ часослов. издан. 1867 года стр. 8.